

Анна Гвидичи
ЗЛОЖНИЦА
ОЛИГАРХА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Гвидичи

Заложница олигарха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39395704

SelfPub; 2019

Аннотация

Я приехала из провинции, чтобы поступить в институт, но прямо на вокзале меня похитили и увезли в особняк к местному барону, властителю и очень богатому человеку. Теперь я его добыча, пленница и любимая игрушка. Но я не собираюсь подчиняться. Я верну себе жизнь и свободу. Обложка создана Анной Антоновой с использованием изображений с сайта shutterstock. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Похищение	4
Глава 2. Условия хозяина дома	22
Глава 3. Наказание	39
Глава 4. Утро и черное платье	55
Глава 5. Тест ДНК	70
Глава 6. Званный ужин	84
Глава 7. История войны	101
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Глава 1. Похищение

Проклятая столица. Сколько здесь улиц, домов и машин! Я на вокзале умудрилась заблудиться, а выйти и самостоятельно найти дорогу до института просто не смогла. Нужно, очень нужно было подготовиться заранее, но я вчера собралась совершенно внезапно. С мамой поругалась. Она заявила, что нечего в институте делать. ПТУ швейное вполне сойдет, раз уж мне приспичило получать образование. Она пять лет меня кормить не собирается, и так тяжело без мужика. Школа сейчас очень дорогая.

Ага, а то я не знаю. Последние годы в обносках училась, и тетрадки на свои заработанные деньги покупала. Я неплохо рисую и с первого класса хожу в ИЗО-студию. Три лета подряд мы с учительницей вдвоем расписывали коридоры и классы нашей школы. Директриса выделила на это деньги. Что не уходило на краску, оставалось нам. Прижимистая у нас директриса, не похикуешь на те крохи, но мне хватало.

Так вот, разругалась я с матерью в пух и прах, сказала, что не собираюсь жизнь себе портить в нашем захолустье, услышала в ответ, что я теперь сама по себе, раз такая умная. Взрослая уже, совершеннолетняя. Да, конечно. Кинула в сумку первые попавшиеся вещи, схватила документы с деньгами и рванула на электричку. Полтора часа пришлось

ждать на вокзале, но я упрямая. Электричка приехала в столицу уже под вечер, таксисты стояли рядком у тротуара, но если я соглашусь с ними ехать, то есть потом будет нечего. А мне до сентября... Нет, даже до октября без стипендии мучиться, и то еще сначала поступить нужно.

– Эй, красавица, куда нужно? – крикнул очередной бомбила, вальяжно облокотившись на открытую дверь.

– Никуда, – мотнула головой я и отвернулась. Мама учила, что в Жигули садиться ни в коем случае нельзя. Приличные люди на таких старых машинах не ездят. У вокзала Жигулей было немного. Это красное и через три машины зеленое. Затем тойоты, ниссаны, форды, но просили все примерно одинаковую цену. Мне бы на автобус, но кто знает, в какую сторону ехать? Я читала маршрут на вывесках и ничего не могла понять.

– Ты погулять на вокзал пришла? – усмехнулся водитель, поправив стереотипную черную кепку. Жара июньская, я в легком сарафане, а он в кожаной куртке. С ума сошел? На Северный полюс собрался? – Садись, говорю, подвезу.

Послать его нужно, а лучше уйти подальше. Но таксисты, как назло, стояли рядом с автобусной остановкой. Уйду – вообще никуда не доеду. Столица – не наш поселок в три улицы, здесь пешком не ходят.

– Красавица, – почти пропел мужик и двинулся ко мне. – Ты учти, я второй раз не предлагаю. Тем более за такую цену. Черт, вечер перестал быть томным. Драться я с ним не со-

биралась, убежать тоже. Эх, придется садиться в первый попавшийся автобус и на следующей остановке выходить. Хотя бы дорогу у кондуктора спрошу.

Таксист двинулся за мной, подтверждая самые худшие опасения. Я такое раньше только в фильмах видела, но о финале догадывалась. Сейчас схватит, затолкает в машину и увезет на какую-нибудь дачу к толпе мужиков. И будут со мной делать то, что в тех самых фильмах не показывают детям до восемнадцати.

Страшно стало до дрожи и деревянных ног. Я рванула к автобусу, мечтая юркнуть в душную толпу и затеряться там. На первую ступеньку запрыгнуть успела, но меня вытолкали обратно. От неожиданности я не удержалась и грохнулась на асфальт, больно ударившись бедром. Села прямо в грязь и уронила сумку. В висках кровь застучала, сердце лихорадочно затрепыхалось, и я была готова залезть в автобус ползком, наплевав на все, но мне не дали.

Не знаю, откуда взялся второй и третий человек. Меня схватили под мышки и зажали рот рукой. Грязной, противно пахнувшей ладонью. Я попыталась завизжать, но услышала только сдавленное мычание. Воздух кончился. Дышать мне не давали, и дергаться тоже. Как куклу подхватили и понесли. Сумка осталась на асфальте. Деньги, документы, телефон. Я мычала, вырывалась, но от страха уже не соображала. Каким-то чудом поняла, что затолкали меня в то самое красное Жигули, заботливо пригнув голову, чтобы не разби-

ла о дверь.

– Шура, гони, – прохрипел тот, что был справа, и водитель с визгом шин рванул от вокзала прочь.

Меня держали вдвоем. Чуть ли не сидели сверху. Руки, ноги связали, рот заткнули кляпом из трикотажной тряпки, и он пропитывался моей слюной. Я аккуратно дышала носом и мечтала, чтобы меня отпустили, и все закончилось. Будто одна бесконечно неприятная и унижительная медицинская процедура. Но там терпишь ради здоровья, а здесь ради чего? Может, задохнуться для меня – лучший выход? Просто не доехать до еще больших унижений. Но сил неожиданно придавал не страх смерти, а ярость.

Я запоминала каждую трещину в салоне Жигули, цвет и фактуру одежды своих мучителей, их голоса, редкие перебранки в дороге. «В пробку попали. Объезжай по обочине, чего стоять? Сам рули, если умный». Лиц не видела, меня держали боком. За окном машины виднелась только полоса неба и редкие столбы с проводами. Если выживу и смогу сбежать, пойду в полицию и сдам похитителей. Они сядут за все, что сделали и собирались сделать.

Машину затрясло сильнее, и под колесами зашуршали камни. Мы выехали из города и свернули с асфальта на гравийку. Точно на дачу едем или в коттеджный поселок. Земли в пригороде много раздали, а построить и заселиться хозяева толком не успели. Стояли недостроенные дома призраками посреди пустырей, и никого не интересовало, что

там внутри происходит. Если после гравия под колесами появится мягкий и бесшумный грунт, значит, я угадала.

Черт, да. Или это снова асфальт? Машина в ямы не проваливалась, как бывало на грунтовке, ровно ехала. Не знаю, сколько времени прошло. Час, полтора? Мы приехали. Машина остановилась, по инерции качнувшись вместе с пассажирами вперед. Слишком резко, мужчины грузно навалились на меня, чуть не сломав ребра.

– Шура, твою мать! – гаркнул тот, что слева. – Чуть кишки не выдавил. Я думал, завтрак свой увижу.

– Меньше жрать надо, – огрызнулся водитель. – Зады отъели, уже с тощей девчонкой на сидении не помещаетесь.

– Так то Жигуль, ты бы еще в Оку нас запихнул.

– Нет у босса таких машин. А жаль, я бы на вас в Оке посмотрел.

Водитель заржал, и два амбала загоготали вместе с ним. В тетрис бы играли, укладываясь. По частям утрамбовывались. Здоровенные были мужики, метра под два ростом. Размер обуви – сорок пятый не размятый. Спортсмены, что ли? Или бывшие военные?

Тот, что справа снял куртку и накрыл мне голову, окончательно перекрывая воздух. Вытащили на руках, как мешок картошки, и понесли, взвалив на плечо. Затекишие конечности отходили неприятным покалыванием, голова кружилась, и я боялась хлопнуться в обморок. Ничего не видела. Слышала только тяжелое дыхание амбала и шарканье шагов.

- Привезли? – глухо спросил посторонний голос.
- Да, – коротко ответил тот, что сидел в машине слева.
- Вы в какой грязи её изваляли? Отмыли бы хоть.
- Указания «мыть» не было. Биг Босс у себя?
- В гостиной. Прямо к нему потащите?
- А что делать? Открывай, давай.

Я ждала металлический лязг затвора ворот, но услышала тихий шорох электрического привода. Автоматические, что ли? В богатый дом меня привезли, раз такие ворота стоят, не в избушку на курьих ножках. Но легче от этого не стало.

Амбал понес меня дальше, куртка сползла с лица, и я разглядела тротуарную плитку под его ногами. Тоже не дешёвую. Стоп, а где громкая музыка? Пьяные выкрики? Разве меня не на гулянку к толпе мужиков несут, чтобы коллективно развлечься? Я ошиблась? Что происходит?

Паника давила холодом в груди, живот подводило от ужаса. Руки на весу снова онемели, и перед глазами поплыли тёмные круги. Лучше групповое изнасилование, чем объятия маньяка-убийцы. После первого хотя бы есть шанс выжить. И сбежать, когда пьяная толпа уснет.

Большим боссом хозяина дома называли. Гостиная у него есть. С камином, наверное. Сидит он там, в кожаном кресле с высокой спинкой, ноги на шкуру медведя поставил. Рядом с ним породистые собаки и коллекция охотничьих трофеев на стенах. А в соседней комнате пыточная с дыбой и крюками. Мамочки, зачем я все это себе нафантазировала? Какая

разница охотник он или рыбак? Куда важнее – что ему от меня нужно?

Выкуп? Господи, ну какой с меня выкуп? Мать на работе копейки получает, все деньги на коммуналку и еду уходят. Ну, можно дом наш продать, ну, у бабушки гробовые попросить – и всё. Да ворота с тротуарной плиткой и гостиная с камином дороже стоят. Нечем мне заплатить за свою жизнь. Мать еще десять раз подумает, платить или нет. Я потом дурную славу на весь поселок получу, на улицу выйти не смогу, а мать без жилья останется. Не на кого мне надеяться, бежать нужно.

Я задержалась, пытаюсь соскользнуть с плеча амбала, но поздно сообразила, что со связанными ногами далеко не убегу. От бессилия зубами по кляпу закричала, слезы из глаз покатались.

– Тише ты, – осадил он, поправляя ношу. – Пришли уже.

Я под ногами твердую почву почувствовала, но едва удержалась на ногах. Тело как ватное стало. Куртку с головы сорвали, свет яркий ослепил, и сквозняком распаренное лицо обдуло. На мгновение полегчало, а потом я увидела дом.

Роскошный особняк со страниц глянцевого журнала. Два полных этажа с высоченными потолками и мансарда. Крыша с башенками, окна из темного дерева и цветная кладка фасадного кирпича. Я вдруг отчетливо поняла, что моя жизнь для хозяина дома не стоит вообще ничего, а амбал в спину подтолкнул.

– Иди уже, не за шкирку же тебя тащить.

Ноги мне не столько связали, сколько стреножили. Длина веревки позволяла сделать маленький шаг. Я шаркнула ба-леткой по тротуарной плитке и чуть не упала вперед носом.

– Ба-алин! – исковеркал известное ругательство амбал, манерно протянув букву «а». – Вот работка-то! Что ж так все через задницу? Руки свяжи, ноги свяжи... Иди, говорю, я тебе в носильщики не нанимался.

– Надорваться боитесь? – огрызнулась я.

Не знаю зачем. Черт под руку толкнул. Подзатыльник прилетел мгновенно. Так мать в детстве злобу на мне срывала по любому поводу. В ушах зазвенело, голова, будто колоколом стала. Боль прошла быстро, но ярость и обида окрепли. Я обернулась, чтобы посмотреть на амбала.

Типичный браток с толстенной шеей и накаченными ушами. Морда, словно от удара сплюснутая, и нос кривой. Глаза мелкие, глубоко посаженные, а взгляд ну до того свирепый, что у меня окончательно ноги подкосились.

– Поговори мне тут, девка, – прошипел он. – Рога быстро обломаю! А ну, пошла!

Он толкнул меня в плечо, но не слишком сильно. Скорее обозначая направление, чем желая заставить. Правильно, иначе я бы упала и долго потом не смогла встать со связанными руками и ногами. Время себе экономил. Умом я это понимала, но все равно в его поведении упорно чувствовала странность.

Таксист он ненастоящий, раз на самом деле в особняке работает. Охранник на воротах его, как родного, встретил. Одежда не по погоде, значит, костюм заранее подбирал, а потом не стал менять. И стрелки! Черт, у него были классические черные брюки с аккуратно заглаженными стрелками. Военный! Их, как известно, бывших не бывает. Мой дедушка до самой смерти каждое утро отглаживал себе брюки через марлю, даже когда у нас утюг с паром появился.

Я втянула голову в плечи и пошла вперед. К двум безумным версиям добавилась третья. Меня похитили ФСБ-шники и приволокли в особняк своего ученого, чтобы сдать на опыты. А что? Самое оно! Тут моя никчемность и никому ненужность была в кассу. Пропаду без вести, мать заявление в полицию отнесет, там поищут для вида, а потом благополучно забудут. Чтоб вы все сдохли!

Проковыляла я несколько метров, честно пытаюсь двигать ногами быстрее, но перед крыльцом остановилась. Ногу на ступеньку задрать не получилось, веревка не позволяла. Кривоносый за спиной грозно рыкнул и схватил меня поперек живота. В особняк все-таки затащил, открывая свободной рукой двери. Я насчитала три. Две прихожие, в которых я разглядела только ковровое покрытие на полу, и, наконец, гостиная.

Моя фантазия про охотничий дом не оправдалась. Музей это. Нет, никаких пыльных полотен французских импрессионистов, модерна или соцреализма. Исключительно совре-

менное искусство, помноженное на абсолютную чистоту и порядок. Да, для деревенской девки я неплохо разбиралась в живописи. Спасибо учительнице ИЗО, просвещала постоянно.

Картины висели везде. Спускались из-под потолка на тонких веревках, расплывались цветными кляксами на белых стенах и бесконечно отвлекали внимание. Что на них изображено, я так и не разглядела. Абстракция. А еще хозяин дома встал с дивана.

Он был под стать своим амбалам. Высокий, крепкий, гладко выбритый. В строгом деловом костюме, как у бизнесмена, и с таким же взглядом. Мне сразу вспомнились волки с Уолл-стрит. Их надменное равнодушие и высокомерие. Он буквально смотрел на меня, как на грязь.

А что такое? Лабораторная мышь оказалась не того окраса? Грудь у меня маленькая? Или рожа недостаточно породистая?

Обладатель запонок на манжетах рубашки медленно склонил голову на бок и хмыкнул.

– Я ожидал... большего.

– Обычная девка, шеф, – недовольно заявил амбал, не выпуская из кулака мой сарафан. Так и держал, чтобы не убежала. Ладно хоть на пол поставил.

– Она и должна быть такой, – холодно возразил хозяин дома и выдержал паузу. – Однако.

Что «однако»? Я занервничала еще больше. Связанные

запястья ныли, в промороженном кондиционером помещении голые руки гусиной кожей покрылись. Меня трясло.

– Господин шеф, – выцедила я, не зная, как к нему обращаться. – Если вас что-то не устраивает, то я, может быть, пойду отсюда? В гости к вам не рвалась совершенно. В гробу я вас видела!

– Тихо! – рыкнул кривоносый и еще раз хлестко отвесил подзатыльник.

Боль прострелила от макушки до пяток, я дернула руки к голове и получила второй удар.

– Хватит, – ровно и безразлично сказал хозяин дома. Будто ему еду в тарелку накладывали и ждали команды, когда можно остановиться. – Она больше не будет открывать рот без разрешения. Правда?

Я посмотрела на него сквозь завесу волос. От долгой езды и подзатыльников хвост на голове сбился, резинка сползла, пряди торчали во все стороны, как у пугала. Грязь на ногах от вчерашнего дождя высохла и стянула кожу. Паршиво-то как, господа. Мне было холодно, страшно и хотелось проснуться. Этого просто не могло быть. Всего. Начиная с неуместно роскошного особняка и заканчивая той игрой, которую начал садист в деловом костюме. Первое правило озвучено. Говорить мне нельзя.

– Нет, – огрызнулась я. – Вы игрушку себе решили завести? Домашнюю морскую свинку? Это незаконно. Немедленно отпустите меня! Я требую...

На середине крика амбал зажал мне рот, и я с удовольствием вгрызлась в ладонь. До крови не прокусила, а жаль. Потому что как только кривоносый выдернул руку и зашипел, мне оставалось несколько мгновений до избиения.

– Неправильный ответ, – строго сказал хозяин дома. – Гена, привяжи её.

Амбал грузно переступил с ноги на ногу и выдохнул у меня над ухом. Куда вязать-то? И так на все конечности веревки намотаны. Здесь и столба-то никакого нет, чтобы привязать. Ладно, колонны, мы все-таки в помещении. Стены гладкие, без выступов, ростовых скульптур нет. Даже лестница была жутко футуристическая и для привязывания не годилась. Её ступени крепились одним концом к стене и висели в воздухе, больше ни на что не опираясь. Перила? Какие перила? Хотела бы я посмотреть, кто по ней каждый день поднимается и спускается, рискуя упасть и сломать шею.

– Пойдем, – толкнул меня кривоносый прямо к этой лестнице.

Драться я по-прежнему не могла, что делать, не знала. От ощущения то ли кошмара, то ли изощренной игры, крыша ехала. Вот сейчас оба мучителя засмеются, назовут меня дурой и признаются, что это розыгрыш. Какое-нибудь экстремальное реалити-шоу, где ради настоящих эмоций в кадре похищают ничего не подозревающих людей. Где камеры в таком случае? Под потолком ничего нет.

– Руки назад, – скомандовал Гена, сняв петлю с правого

запястья. Я уже стояла под одной из парящих в воздухе ступени и бестолково крутила головой. – Назад, я сказал.

Я завела руки за спину, и амбал снова их связал. Крепко. Потом ловко закинул свободный конец веревки на ступеньку и резко его дернул. Черт, дыба! Руки немедленно обожгло острой болью, в глазах потемнело, и я завизжала на весь дом. Плечи, локти, запястья выворачивались в суставах и трещали от жуткого напряжения. Какой там повисеть полдня, как показывали в кино, я несколько секунда не могла выдержать.

– Ааааа! – кричала я. – Отпустите! – Голову я низко наклонила, чтобы стало легче, мучителей не видела и слышала только себя. – Ааааа!

– Гена, – сказал хозяин дома через мой крик. – На ноги её поставь.

Натяжение веревки ослабло, я коснулась ногами пола, и рукам стало легче. Боль все еще пульсировала, и суставы пекло, но я хотя бы дух перевела.

– Доходчиво? – сухим тоном спросил главный похититель. – Я не настроен долго тебя воспитывать, поэтому за любую провинность наказание будет жестким. Сразу. Без прелюдии. Итак, правило номер раз. Ты говоришь только, когда я тебя спрашиваю. Поняла? Отвечай.

– Пошел на хер! – сорвалась я, и Гена снова потянул за веревку. Мне показалось, руки кипятком облили, так больно стало. Я стиснула зубы, чтобы не орать, но сдалась через пару вдохов. Грудная клетка расправилась, голосовые связки

напряглись:

– Ааааа! Ааааа!

Они стояли и смотрели, как я кричу. Наверное, морщились и мечтали зажать уши, но мне было плевать. Дыба – настоящая пытка, придуманная в средние века или раньше. Я видела таких бедолаг, висящих на вывернутых руках, только на гравюрах. Вернее, на иллюстрациях к учебникам по истории искусства. Тогда они меня не впечатлили. Господи, как же я ошибалась!

– Ааааа, хватит! Я поняла! Поняла!

– Гена, опусти.

Я испугалась, что руки уже успели вытянуться и теперь повиснут плетями. Чувствительность медленно возвращалась противным покалыванием. Я все еще стояла, согнувшись, и рассматривала туфли хозяина дома. Сколько они стоили? Натуральная кожа темно-вишневого цвета, чуть потертая там, где пятки при ходьбе могли задевать друг друга. Идеальная строчка нейлоновых ниток и старомодные шнурки. Мне вдруг стало очень важно разглядеть каждую мелочь, лишь бы не думать, в какую задницу я угодила.

Вариант с маньяком-убийцей оказался верным. Моя смелость и бравада таяли быстрее мороженого в жаркий день. Из глаз катились слезы, но упавшие на лицо волосы мешали похитителям их увидеть. Буду дальше упираться – меня продолжать ломать. Если не буду, то тоже продолжат, но медленнее. С дыбы нужно слезть. А для этого притвориться по-

корной.

– Хорошо, – словно в ответ на мои мысли сказал хозяин дома. – Я надеюсь, урок усвоен. Диалога у нас не будет, но я догадываюсь, что ты хочешь узнать. И настолько щедр, что расскажу. Тебя похитили не просто так. Можешь не надеяться, что с кем-то перепутали или выбрали случайно. Мне нужна именно ты. Зачем? Чтобы получить за тебя выкуп. Видишь ли, Наташа Семенова, по отцу у тебя совершенно другая фамилия.

У меня не было отца. Вернее, был, конечно, носитель генетической информации, обрюхативший в свое время мою мать, но я его никогда не видела. Не горела желанием. Мать честно сказала, что он нас бросил и мечтает забыть о моем существовании, чтобы не платить алименты. Живет с новой семьей и вполне счастлив. А жена его вторая до того мерзкая баба, что ходить к ним в гости – себя не уважать.

«Удачи с выкупом», – хотела пожелать я, но прикусила язык. Руки все еще болели.

– Тебе не интересно какая? – слова хозяина дома впервые обрели четкую интонацию удивления. – Говори.

– Нет.

Амбал за спиной громко фыркнул. Конец веревки он не выпускал из рук, мешая хоть немного расслабиться. Простите великодушно, я не в том настроении, чтобы интересоваться собственной родословной. Тем более слушать про человека, которому на меня глубоко наплевать.

– Нелидова. Ни о чем не говорит?

– Нет.

– Потрясающе, – в голосе хозяина дома мне послышалось самодовольство. – Будет сюрприз. Не скажу, что приятный. Не те обстоятельства.

Да уж. Полностью согласна!

– Георгий Владимирович Нелидов – основатель и единственный владелец строительной компании «Азур». Это не весь его бизнес, конечно, но то, что больше всего на слуху. Состояние твоего биологического папы оценивается на сорок третью строчку отечественного списка Форбс. Ты можешь не верить, но он узнал о твоем существовании всего неделю назад.

У меня дыхание перехватило. Такого бреда я ни за что не ожидала услышать. Ситуация напоминала дешевый детектив в мягкой обложке или посредственный сериал на первом канале. Когда находят зачуханную деревенскую девку и рассказывают ей, что она богатая наследница. У мужика крыша съехала! Он допился до чертиков, сбежал из дурки и теперь ему мерещится всякое. Псих! Проклятый, конченный псих!

Вот только откуда у алкаша столько денег и особняк? Не мог же он пробраться тайком в чужие владения и корчить из себя того, кем не является? Такое прокатило бы в какой-нибудь городской квартире, выставленной в долгую аренду, где соседи уже забыли, как хозяева выглядят, но не здесь. Амбалы настоящие, огонь в камине тоже, запонки у мужика на

манжетах, туфли вишневые. Он говорил и держался, как бесконечно уверенный в себе человек. Хотя психи вроде бы ведут себя точно так же. Mamочки, я запуталась!

– Кстати, твоя мама тебе совсем не мама, а родная тетя, – невозмутимо продолжил хозяин дома. – Первая жена Георгия Нелидова, Оксана Семенова, развелась с ним, будучи беременной на раннем сроке, и уехала в другой город. С мужем не созванивалась, рождение ребенка утаила, а потом умерла от послеродовых осложнений. Ребенка усыновила её сестра, Татьяна Семенова.

Псих поразительно точно назвал имена моих родных, но напрочь перепутал их историю. Тетя Оксана попала под машину, когда я была совсем маленькой. Мама не любила о ней вспоминать, оговариваясь, что о мертвых либо хорошо, либо ничего, а хорошего было мало. Вроде как пила она беспробудно, и жизнь не удалась.

– Через восемнадцать лет Нелидову захотелось выяснить, что стало с его первой женой, – через паузу сказал похититель. – Выяснил. И я тоже. Как видишь, познакомиться с тобой успел первым. От твоего отца мне нужны только подписи на документах. Получу их, будешь жить. Нет – Гена увезет твой труп в лес и там закопает. Тебе все понятно?

– Да.

«Нет!» – на самом деле хотелось прокричать, но сознание медленно скатывалось в темноту, и мысли превращались в кашу. Перед глазами качались вишневые ботинки. Тошно-

творно размеренно и монотонно. Господи, как с ума не сойти?

Глава 2. Условия хозяина дома

Я не верила. А кто бы смог по щелчку пальцев забыть восемнадцать лет собственной жизни и принять чужой бредовый рассказ за правду? Где доказательства? Справка из роддома, документы об усыновлении, тест ДНК на худой конец? Если мой отец и мой похититель настолько богаты, как говорят, то, что мешает их сделать? Никто не будет платить за пустышку. Постороннюю девицу, у которой в семье есть тезка твоей бывшей жены. Нелидов Георгий Владимирович обязательно потребует доказательства.

А если он их не получит? А если моя якобы умершая мать нагуляла ребенка от любовника и поэтому он с ней развелся? Мы с предполагаемой тетей жили впроголодь восемнадцать лет. Будь она уверена, что Нелидов действительно мой отец, неужели ни разу бы не потребовала алиментов? Вот этого точно не могло быть. Я хорошо знала женщину, которую называла матерью. Она бы душу из Нелидова вытрясла, не то что алименты.

Осталось объяснить это похитителям. Хозяин дома уже пообещал закопать меня в лесу. Увидит отрицательный тест на ДНК-совместимость и озверевает. Столько усилий впустую, такой облом с тем, что хотел получить. Да он как минимум гостиную разнесет. Или подвал, где я сидеть буду. Не сто-

ит покупаться на обманчивую выдержку. Этот урод удовольствия получал от моего крика и страданий. Всю злобу на мне выместит, к бабке-гадалке не ходи. Господи, куда я попала? Как отсюда выбраться? Тест на ДНК недели две делается, как я помнила. За это время нужно сбежать, иначе потом меня вынесут вперед ногами. Хорошо, если целую, а не по частям.

Неужели этот отморозок ничего не боится? Вот прям совсем? За похищение и удержание в плену, а тем более убийство, уголовный срок светит. Хотя таким как он закон не писан. Полиция подкуплена, адвокаты самые лучшие. Отбредется. Еще и жертвой себя выставит или свидетелем по делу пойдет. Я понимала, что нельзя судить жизнь по криминальным сериалам, но не все там враньем было. Но среди огромных жирных минусов нашлись и плюсы для меня.

Они же не люди, они – звери со своим законом джунглей. Если я реально дочь Нелидова, тогда вместо того, чтобы отдать выкуп, он захочет кишки наглецу выпустить или башку прострелить. Иначе другие решат, что бизнесмен с именем на сорок третьей строчке списка Форбс слаб, и с ним можно вот так вопросы решать. Против Гены и других амбалов найдется своя толпа крепких мужиков. Возьмут особняк штурмом, хозяина положат мордой в пол, руки-ноги ему свяжут, а меня из подвала достанут.

Черт, да не нужна я Нелидову. Даже если дочь родная, восемнадцать лет меня не видел, и зачем-то будет ради меня дергаться. Пора смотреть правде в глаза, живой я из это-

го дома не выйду. Господи, да я уже на дыбе висела, стоя на носочках, чтобы рукам было не так больно. Гена за спиной пыхтел, похититель терпеливо ждал, пока я от шока в себя приду. Что потом придумает? Калеными железом пятки прижигать начнет? Или иглы под ногти засунет?

– Вижу, ты успокоилась, – медленно сказал он. – Гена, на пол её положи.

Амбал отпустил веревку, и я, не удержавшись на слабых ногах, рухнула на бок. Отбила бедро, и почти вся левая нога нещадно болела. Передохнуть мне никто не дал. Гена ловко притянул моя запястья к лодыжкам и связал их вместе. Теперь я вообще пошевелиться не могла. Только головой мотать и оставалось. Лежала в позе зю, вся вывернутая наизнанку, и слезы глотала от злости. Не знаю, почему в истерике до сих пор не билась. Наверное, ненависть спасала так же, как в машине по дороге сюда. Я мечтала, чтобы Нелидов или кто-то другой сделал с похитителем все то, что он со мной. Этот урод моральный заслужил самых жестоких пыток. Что я ему сделала? Ни-че-го! Просто так поиздеваться решил. Потому что ему захотелось.

– Хорошо, – с оттенком самодовольства сказал хозяин дома. – Если будешь себя и дальше спокойно вести, сильно не пострадаешь. Многого я от тебя не прошу. Выполняй простые правила, и те несколько дней, что ты проведешь в моем доме, адом не станут. Первое правило ты знаешь. Говорить можно только, когда я тебя спрашиваю. Второе – побег

запрещен. Дернешься за пределы дома, Гена тебя висеть на руках на всю ночь оставит. Да, Гена?

– Да, шеф, – уверенно ответил амбал.

– Прекрасно. Третье правило и пока последнее – покорность. Выполняй все, что тебе скажут, и будешь спать в комнате с минимальным комфортом. Кровать, тумбочка, личный санузел и окно с видом на лес. Еду тебе будут приносить три раза в день. Начнешь упираться, сопротивляться, орать без повода и мешать Гене охранять себя – отправишься в подвал. Там холодно и темно. Будешь лежать связанная, как сейчас, на бетонном полу и лакать воду из миски. Если подползешь к ней, разумеется.

Я как-то сразу на подвал настроилась, а потому даже удивилась. Похититель решил воспользоваться методом кнута и пряника? Ладно, здесь я не против. Из комнаты где-то в доме гораздо легче сбежать, чем из подвала. Ну, мне так казалось. Да и на пытки лучше больше не нарываться. Покалечит меня Гена с психу, точно не смогу никуда уйти.

– Отвечай, если поняла и согласна с моими условиями.

– Я согласна.

Не думаю, что он вот так сразу поверил. Поджал губы и смерил изучающим взглядом. Ему дьявольского прищура не хватало, как демону. Нос прямой, чуть вытянутое лицо, скулы резко очерчены. Подбородок широкий. Сильной волей обладал хозяин дома, и мне это только во вред было. Упертый маньяк-садист, который если что-то задумал – не отступит.

пится. В глаза ему смотреть не хотелось. Черные они, серые или карие, как у большинства темноволосых людей, какая разница? Его лицо я запомнила, фоторобот, если что, составить смогу.

Жаль, искать меня со всех ног не побегут. Мать распахивалась после ссоры, не скоро позвонит, чтобы узнать, как я устроилась в столице. Шикарно устроилась. Дорого-богато. Очень многие так не живут, как я в заключении томиться буду. Персональный санузел, мать его. Я перед электричкой бегала справлять нужду в деревянную будку с дыркой в полу. Есть с чем сравнить.

А вот и истерика, кажется. Теперь мне смеяться хотелось, а не плакать.

– Значит, договорились, – кивнул хозяин дома и достал смартфон из кармана. Не широченную лопату с огромным экраном, которую сейчас активно рекламировали, а вполне аккуратную и очень тонкую пластину. – Гена, проводишь её. Развязывать пока не нужно. Я хочу убедиться, что мои правила усвоены, и она понимает разницу между хорошим и плохим поведением. От Жигулей избавься, только увези подальше.

– Будет сделано, шеф, – ответил амбал и будто бы выдохнул с облегчением.

Устал меня пытаться? Мечтал сбежать поскорее? Если именно он станет моим цербером, то подружиться нужно. Миледи в «Трех мушкетерах» своего тюремщика не только

охмурила, но и на товарища Бэкингема натравить сумела. Мне от Гены подвигов не нужно. Лишь бы развязал и двери открыл.

Он взял меня под мышки и поднял с пола. Дышал уже тяжело, притомился за это время?

Бедный, бедный, пожалеть его? Хрен ему, обойдется. Раз у такого начальника работает, значит, сам ничуть не лучше. Зарплата большая? Или работа интересная? По локоть в крови ведь. То же, что ли, маньяк?

Кривоносый поволок меня в правое крыло дома, на ходу пиная двери. Комнат встречалось много, коридор петлял между ними, закручиваясь в замысловатый лабиринт. Снаружи дом казался меньше, чем внутри. Настоящий дворец. Однако роскошь хозяйских комнат быстро кончилась. За очередной дверью открылись грубо оштукатуренные стены и простой линолеум на полу. Гена крикнул от натуги и приподнял меня выше, чтобы головой не бить по ступеням узкой лестницы. Второй этаж все-таки. Умно. Из окна с разбегу я теперь не выпрыгну. Побоюсь ноги сломать или шею свернуть.

Одну площадку мы прошли, вторую, третью. Чердак? Рапунцель притащили в башню? У меня волосы чуть ниже плеч, спуститься вниз по собственной косе не получится. Если на кровати будет постельное белье, то можно простынь с пододеяльником связать, а если не хватит, то наволочки добавить. Только бы ночи дожждаться, чтобы все уснули. Долж-

ны же садисты и мучители спать? Их-то никто страдать не заставляет.

Гена свалил меня в угол коридора, как мешок с картошкой. Юбка сарафана задралась до самого живота, но одернуть я её никак не могла. Правду говорят, чем беспомощнее себя чувствуешь, тем ярче стыд. Я бы ни за что при других обстоятельствах свое белье постороннему мужчине не показала. Тем более тому, кого ненавидела. Но Гена не смотрел. Он ковырялся с замком и матерился сквозь зубы. Опять работа не нравилась. Так увольнялся бы. Или его такого осведомленного в грязных делах шефа теперь отсюда тоже только вперед ногами?

– Пожалуйста в номера, мадемуазель, – прошептал он и снова взвалил меня на плечо.

В тюрьму внесли, как невесту в новую квартиру. На руках. Правда, снова неласково бросили на кровать лицом к стене. Ладно, хоть свет горел, стемнело уже на улице. Гена потоптался немного у порога и ушел, ворча под нос. Дверью хлопнул так громко, что потолочный плафон закачался. И я, наконец-то, осталась одна.

Выдержки, самоиронии и бравады хватило ровно на два жалобных всхлипа, а потом истерика взяла своё. Слезы покатились ручьем. Падали с носа водопадом и впитывались в подушку. Горячие, соленые, злые. Я рыдала молча и долго ни о чем не могла думать, кроме того, что жизнь кончилась.

Ехала в столицу за светлым будущим. Мечтала, что вот

теперь заживу по-настоящему. Без нищеты, вечных приди-
рок матери, косых взглядов одноклассниц на мои обноски. Я
– отличница, поступить шанс был. Не в самый престижный
ВУЗ, но в какой-нибудь точно. А там общага, подработка,
будущая профессия. Любовь, может быть. Что теперь оста-
лось? Ничего. Участь игрушки в руках богатого извращен-
ца. Правила он придумал, урод. Наказаниями грозил. Воз-
буждал его мой страх? Вставал член, когда смотрел на меня
связанную?

По нему не поймешь. Рожа кирпичом и тон холодный.
Не стал поручать пленницу своим амбалам, лично правила
зачитывал. Конечно, такое развлечение нельзя пропустить.
Живая мартышка. Мышь лабораторная для опытов и экс-
периментов. На дыбу подвесишь – дергается. Свяжешь, все
равно дергается. Потеха, да и только.

Он, кстати, не представился. Гену по имени назвал, а себя
никак. Мистер Никто. Будто он от этого невидимкой станет
или я в полицейском участке морду его на фотографиях не
узнаю. Плевать, что отбрешется, я все равно заяву накатаю.
Мне это важно даже больше, чем выжить.

Нет, вру, меньше. Жить хотелось так, что зубы сводило.
Не готова я к деревянному ящику и скорбным лицам род-
ных. Значит, нужно быть осторожной и грамотно притвор-
яться. Наблюдать, запоминать, вынюхивать. Чтобы позже
при удобном случае сбежать.

Я попыталась размять затекшие ноги и руки, но сделала

только хуже. Где-то неловко повернулась и шею защемила. Боль, едва ли меньшая, чем от пыток, прострелила до груди. Черт, как же развернуться? Нужно комнату разглядеть. Сейчас, сейчас. Боль пройдет, и я снова попытаюсь. Плечи после дыбы саднило до сих пор, от веревок синяки остались. Я их не видела, но знала, что они есть. Героическое усилие пополам с кряхтением, и я у цели. Перевалилась на другой бок. Уф, аллилуйя!

Комната маленькая, но чисто прибранная. Кровать, стол, окно, еще одна дверь, видимо в санузел – все, как обещал похититель. Но толку от санузла, если я связана? Даже если с кровати свалюсь и, как гусеница, доползу до него, на унитаз не залезу. А хотелось уже очень. Мочевой пузырь не бездонный. Делать под собой лужу я не планировала. Гену звать? А это считается криком без повода? Нет уж. Повод есть и он железобетонный.

– Гена! – крикнула я в пустоту. – Геннадий!

Гулкое эхо отразилось от пустых стен. Выкрасили их в розовый цвет, будто детскую готовили для ребенка. Стекло в окне пленкой заклеили или оно само по себе было матовым. Стул возле стола поставить забыли, а может, специально убрали. Правильно, его можно бросить в окно и разбить стекло. Если снаружи не приделаны решетки, то путь к бегству готов. Стол бросить уже нельзя. Он широкий и тяжелый, как кривоносый амбал.

– Гена! – проорала я, надрывая связки. – Я в туалет хочу!

Вторая фраза получилась намного тише, и едва она окончательно растворилась в воздухе, снаружи снова заковырялись в замке. Я вывернула шею, чтобы разглядеть тюремщика, но в проеме открывшейся двери появился хозяин дома.

Первой мыслью было: «Черт, я влетела!» Теперь он захочет надолго заткнуть мне рот, чтобы больше не орала. Страх перед новой болью загонял в панику. Какого хрена он лично приперся, а не помощника отправил?

– Я запретил кричать, – холодно сказал манекен в деловом костюме. – Недостаточно четко выразился? Прикажешь снова тебя наказать?

Зашел в комнату и нарочито медленно закрыл дверь. Она не скрипела, но эффект был, как в фильме ужасов. У меня зубы застучали, озноб пробрал от копчика до затылка. Я смотрела на руки своего палача не отрываясь. На этот раз на пальцы. Длинные и аккуратные, как у пианиста или хирурга. Насколько они сильные? Сможет ли задушить голыми руками, если захочет?

Да какой там задушить, меня сейчас только тронь, я взвою. Даже тени его боялась. С Геной за спиной легче было. Дремала где-то на задворках сознания надежда, что перед подчиненным особо зверствовать не будет, чтобы сохранить лицо и репутацию адекватного человека. Но наедине со мной ему никто не мешал явить подлинную сущность. Накормить своих демонов моим ужасом. Мне казалось, что с каждым шагом он улыбался чуть больше. Уголки губ подра-

гивали, но потом возвращались в прежнюю прямую линию. Крался, как хищник.

– В туалет хочу, – повторила я дрогнувшим голосом. Во рту пересохло, язык к небу прилип. Раз уж он задал вопрос о наказании, значит можно отвечать. – Не под себя же ходить.

– А что такое? – издеваясь, усмехнулся он. – Дискомфортно будет?

– Вонять будет, – огрызнулась я в ответ, чувствуя, что от паники дрожат связанные руки и ноги. Кровь в висках застучала, скоро задыхаться начну. Не нужно дразнить палача, но черт, выпады в его сторону хоть как-то отвлекали от страха. – Кому-то убирать придется. Постельное менять, комнату проветривать. Зачем лишний труд? Я не хочу мешать Гене охранять меня, шеф.

Он поморщился на обращение. Или на моё предположение об уборке? Толпу прислуги я в доме не заметила. Я вообще здесь никого, кроме него и Гены, не видела. Еще один амбал и водитель не в счет. На уборщиц они одинаково не тянули.

Разумно, конечно. Преступая закон, не будешь делать это у всех на виду. Лишние свидетели – большая морока. За несколько дней дом грязью не зарастет. Мыть здесь точно никто не будет.

– Барон, – вдруг тихо сказал хозяин дома. – Можешь называть меня так.

Ага. А заодно князь, царь, господин и красное солнышко.

Не жирно будет?

Мысленно сцедив яд, я выдохнула. Дрожь уходила, зубы еще стучали, но уже гораздо реже. Даже когда он подошел к кровати, я смогла подавить желание отползти дальше к стене. Ладно, пусть будет Барон. Интересно, это детская кличка или официальное криминальное погоняло? Их не берут из воздуха. Фамилия у него, наверное, Баронов или Баронский. А может, Мюнхгаузен, чем черт не шутит?

Хозяин потянулся к веревкам на моих запястьях. Сначала небрежно дернул за свободный конец, но он не поддался. Тщательно Гена связал. На совесть. Мне в туалет разрешили сходить? Ура, что ли?

Попробовав еще раз и сообразив, что возиться придется долго, он взялся за путы всерьез. Когда длинные пальцы коснулись кожи, меня передернуло. Нет, они не были липкими и холодными, совершенно наоборот. Но я слишком хорошо помнила недавнюю пытку, и кто мне её устроил. Неприятно стало так, будто вонючий бомж с вокзала лапал. Хотя от Барона ничем не пахло, и его холеным ладоням позавидовала бы любая модница. Теплые прикосновения должны были расслаблять, а я только сильнее сжималась пружиной. Ненавижу! Господи, как же я мечтаю огреть его чем-нибудь тяжелым!

– Две минуты у тебя, – расщедрился хозяин дома, ослабив путы настолько, чтобы я могла ходить. Потом подумал немного и совсем убрал петли веревки. Это он зря. У меня

от свободы крылья за спиной выросли, и рукоять карающего меча уже чувствовалась в кулаке. – Заниматься чем-то другим не советую, – предупредил он. – Во-первых, я выволоку тебя оттуда ровно через две минуты. Не успеешь, будешь потом лежать на мокрой простыне. А, во-вторых, даже если найдешь, чем меня ударить, в туалете камера висит. Охрана немедленно примчится, и тогда тебе станет гораздо хуже, чем у Гены на дыбе. Понятно? Кстати, в спальне камера тоже есть.

Он показал глазами под потолок, и я только сейчас её заметила. Белая, невзрачная, но бдительная. Черт, вот почему дом пустой! Он весь из комнаты охраны просматривался.

Засада. Толпа гениальных планов побега дружно шла на хер. Я только начну вязать узлы из простыней, как мое уединение тут же прервут. Теперь даже почесаться незаметно не выйдет. Подло и умно одновременно. Высокотехнологично, чтоб их всех!

И все-таки он извращенец. Ай-ай-ай, подглядывать за девушкой в туалете. Некрасиво как.

– Поняла, – кивнула я и села на кровати.

Степень своих мучений я недооценила. Голова от слабости закружилась, и в глазах потемнело. Только обморока не хватало! Кто знает, когда еще развязанная буду? Я закрыла глаза и снова открыла. За стену держалась, чтобы встать.

– Время пошло, – безразлично напомнил Барон.

Сволочь! Ни капли жалости в нем нет. Как смог вырасти

таким злобным? Котятам в детстве хвосты поджигал?

Я качнулась к туалету, стараясь удержаться на ногах. Лодыжки опоясывали синяки, ступни отекли и казались мешками с водой. Чувствительность возвращалась противным покалыванием, идти стало больно.

Кое-как добравшись до двери, я рухнула на неё. Ручка долго не поддавалась, потом пришлось, будто в пьяном танце, огибать створку. Отпущенное мне время шло, похититель молчал. Про побег я уже забыла. Лишь бы сделать то, зачем пришла.

Полегчало вместе с тем, как опустел мочевой пузырь. Эндорфины, что ли, в этот момент выпускаются? Жизнь засияла прежними красками, и я подумала, что в следующий раз ко мне раньше, чем через несколько часов никто не придет, даже если буду истошно орать. А то и на всю ночь оставят одну. Если я за полчаса связанная по рукам и ногам в развалину превращаюсь, то, что потом будет? Бежать нужно сейчас. Немедленно.

Я покосилась на камеру под потолком. Работала, проклятая. Горел красный огонек, наслаждались охранники зрелищем. Или нет? А что, если не было других охранников? Гену отправили избавляться от автомобиля. Время позднее, остальные работники могли по домам разъехаться. Не просто так же Барон сам пришел до туалета меня проводить. Это настолько не царское дело, что словами не описать. Ох, да одни мы! По-настоящему одни в огромном доме. Так что

сейчас или никогда.

Я нажала на кнопку в стене, чтобы спустить воду, и встала рядом с ней к дверному проему. Снаружи меня и раньше было не видно, слишком узкая щель осталась, а теперь тем более. Так что пусть Барон выполняет угрозу выволочь меня из туалета. Две минуты прошли.

Потом прошли еще две минуты, он ждал. Я боялась дышать и сильнее вжималась спиной в стену. Полки шкафчика над раковиной пустые. Под рукой ни освежителя воздуха, ни вантуза, ни зубной щетки – вообще ничего. Все выгребли подчистую перед тем, как меня заселить. Долго готовились? Я же только вчера в столицу собралась ехать, как узнали-то? Или меня из дома в деревне собирались красть?

– Наталья! – позвал Барон, и я услышала тяжелые шаги.

Молодец, пусть идет сюда. Шаг, еще шаг. Дверь бесшумно отворилась. Я надеялась, что он зайдет внутрь, чтобы выскочить из туалета у него за спиной. Свалить на пол такого амбала не смогу, а выскользнуть из-под носа можно попробовать. Я подождала еще один удар сердца и бросилась ему под ноги.

Адреналин сработал как нужно. В самый ответственный момент я забыла про больное тело. Откуда-то взялась ловкость не врезаться в Барона, и я почти проскочила. На бегу вломилась в дверь спальни, она отлетела наружу, но я не успела следом. Похититель схватил за сарафан. Как котенка взял за шкурку и дернул назад. Резко, зло и не думая, куда

я упаду. На задницу приземлилась. С громким оханьем воздух из легких вышибло. Я не собиралась сдаваться. Свобода маячила перед глазами пустым коридором. Бежать!

Он не позволил. Навалился сверху и за мгновение подмял под себя. Падая лицом вниз, я разбила подбородок. Слезы брызнули из глаз, кажется, язык прикусила. Но Барону будто мало было.

Он прижал меня к полу всем весом тела. Стало тяжело, жарко и совершенно невыносимо. Откуда столько ярости и злости? Он руки мне выламывал и не давал вдохнуть, не то, что подняться. Здоровый, как бык, и такой же упрямый.

– Лежать! Лежать я сказал, руки сломаю!

Я давно перестала трепыхаться, а он не отпускал. Я чувствовала, как натянут струной. Какие мышцы там под тканью костюма. Догадывалась раньше, что зверем становится, стоило лопнуть выдержке, и убедилась в этом.

Последний глоток воздуха вышел из меня протяжным стоном. Я зажмурилась, гадая, когда сломаются ребра? Я все поняла, клянусь! Он настолько силен, что с ним лучше не спорить. Не лезть под горячую руку. Никакой Гена не нужен и толпа амбалов. Зачем вообще охрану в доме держал?

– Лежи! – рявкнул он и, наконец, освободил от своего веса.

Я с наслаждением вдохнула. В голове туман прояснился, и в море боли появились конкретные оттенки. Сильнее всего досталось челюсти. Я словно на прием к стоматологу-шарла-

тану сходила. Все зубы ныли. Синяк будет в полподбородка точно. Окончательно товарный вид потеряю, кого моему гипотетическому отцу показывать будут? Даже если мы внешне похожи – не узнает.

– Поднимайся, – снова приказал Барон, но уже гораздо спокойнее.

Значит, остывает быстро. Радоваться нужно.

От драки он даже не запыхался. Легко поднял меня на руки и понес на кровать. За всю жизнь ни разу ни одним мужчиной на руки не взял, а сегодня сразу двое носили. Исторический день, нужно запомнить.

Связал не так ловко, как Гена. Видно было, что практически не хватает. Просто намотал веревку отдельно на руки, отдельно на ноги, выключил свет и ушел. Про наказание за неудавшийся побег не вспомнил. Спасибо хоть за это, я возмущаться точно не буду.

Глава 3. Наказание

Недалеко ушел. Вспомнил все-таки. Я придремать успела, как замок в двери щелкнул. В полосе света из коридора появился черный силуэт Барона. Значит, Гена еще с Жигулями не разобрался, Его Сиятельство сам наказывать будет? Или как к баронам положено обращаться? Я не помнила дворянских расшаркиваний с титулами, меня больше занимало ведерко в руках хозяина дома. Не бадья, не жбан, не кадка, а именно ведерко. Маленькое и металлическое. Кислоту в нем принес? Так она разъедала металл, насколько я помнила школьный курс химии.

– Спать тебе рано, – заявил Барон и щелкнул выключателем. Я зажмурилась от яркого света, а когда разлепила веки, его силуэт по-прежнему казался совершенно черным. – Ты нарушила второе правило. Попыталась сбежать. Будешь наказана.

Я хотя бы попыталась. Не то, чтобы раздувалась от гордости за свою дерзость, но лучше рвануть на волю и попасть в силки, чем годами дрожать под забором тюрьмы, не смея нос высунуть. Я еще не сломалась. Они не дождутся.

Чем на этот раз пытаться собрался? Господи, только бы не червей в ведерке принес. Любые отвратительны. Розовые и скользкие дождевые, белые опарыши, копошащиеся во внут-

ренностях дохлых голубей. Меня от одного взгляда на них выворачивало. Если есть заставит – не знаю, что со мной будет. На рвоту изойду. Так все, хватит! Воображение, тормози. Господи, жуков тоже не надо! Я фильм «Мумия» помню. Как плотоядные скарабеи грызли замотанного в бинты Имхотепа. Змеи еще могут быть, тараканы, личинки, лягушки. Ладно, последних я вытерплю, если недолго. Лишь бы не есть, мамочки!

Я судорожно тянула воздух сквозь стиснутые зубы. Хозяин дома встряхнул ведро, и там что-то зашевелилось. Тихо заскреблось по металлическим стенкам. Боже мой, да где бы он столько червей или насекомых набрал? Вокруг дома земля, конечно, но быстро их не накопать. Заранее в магазине купил? В холодильнике прятал между хамоном и сыром Пармезан? Сволочь! Скотина!

Барон закатал рукава и сел ко мне на кровать. Он не казался мне черным, он действительно переоделся во все черное и, можно сказать, домашнее. Вместо брюк надел джинсы, вместо пиджака и рубашки – свитер. Волосы влажно блестя, будто только что из душа вышел. Вспотел, пока со мной дрался? Или голову хотел остудить?

– Одежда помешает, – ровным тоном заявил он и достал нож из кармана джинс, – наказание специфическое.

Связанная я не могла отпрянуть, только дернуться вверх и засучить ногами. Остро заточенная сталь – это всегда страшно. Даже если резать собираются не тебя, а одежду.

Лезвие ловило свет от лампы и посылало зайчиков. Барон издевался надо мной, нарочито медленно заводя нож под сарафан между ног. Коснулся кожи ледяной сталью, а мне казалось, пламенем обжег.

Забыла совсем с бравадой и побегом, что изнасиловать может. Если во вкус войдет, каждый день приходить будет. Потом, когда наиграется, амбалам своим отдаст, а те церемониться не станут. Я слышала, что бутылками насилуют, бейсбольными битами. Что еще со мной делать, если Нелидов выкуп не заплатит?

От страха я сжала ноги и нечаянно коснулась лезвия. Хорошо, что не режущей кромки. Хозяин дома склонился надо мной, закрывая лампу головой и роняя длинную черную тень на грудь. За мгновение подол сарафана обернул вокруг лезвия и вверх нож дернул.

Ткань с жалобным «траааак» лопнула. Мамино бывшее платье, у которого я рукава обрезала. Любила его сильно. Удачное оказалось, после десятка стирок, как новое, выглядело. Мне в нем и без Гуччи, Меючи и Долчей с Габбанами неплохо было. Теперь голая останусь. Палач сарафан до груди разрезал. Задержался только на верхнем крае лифа. Его пришлось пилить. Без бюстгальтера я поступать в ВУЗ поехала, жарко было. Освобожденная от ткани, грудь торчала в потолок темными сосками. Я мечтала прикрыться, но руки Барон привязал к изголовью, не дотянуться.

Рассматривал молча. Я чувствовала взгляд кожей. Каждое

движение глаз, как бесстыдную ласку. Будто я уже раздвинула перед ним ноги и ждала, когда хозяин решит меня взять. Скулила от нетерпения и умоляла: «Скорей».

– Заморозить хочешь? – ядовито выцедила я. – Жара плюс тридцать на улице, не получится.

– Плюс двадцать, – поправил он, усмехнувшись. – Похолодало к ночи. И у тебя плюс десять минут к наказанию. Вопросы задаю я. Ты отвечаешь. Никак иначе.

Плевать уже. Все равно пытаться будет. Я хотела спросить, чем именно, но он уже взял ведро. Без эмоций запустил руку и достал два кубика льда. Черт! Вот, что там гремело! Специальное ведро для шампанского, а я расфантазировалась!

«Подумаешь лед, тоже мне пытка», – собиралась фыркнуть я и передумала, как только кубики льда легли на живот. Ощущения взбунтовались. Кожа одновременно горела и покрывалась коркой льда. За мгновение боль достигла пика. Я вспомнила фашистов, которые водили партизанок босиком по снегу. Там лютое в итоге было обморожение, но мне повезло.

Жарко в комнате, кубик быстро таял, и как только кожа под ним остыла, боль стала терпимой. Теплообмен, школьный курс физики. Палач его тоже знал, поэтому сдвинул кубики на теплое место и рядом положил еще два. Мучения вернулись, и на этот раз пик стал выше. Площадь больше – ощущения ярче. Я еще не выла от боли, но уже морщилась.

Глубокое ведро, много в нем льда.

– Ты должна запомнить правила, – начал Барон проповедь, – Молчание, покорность и никаких побегов. Чем сильнее ты сопротивляешься, тем меньше у меня терпения. Настанет момент, и мысль всерьез тебя покалечить перестанет отвращать. Ты достанешься отцу без пальцев, с глубокими ранами и тяжелыми ожогами. Подумай, женщины над каждым шрамом плачут, у тебя их будет много.

Лед таял. Под кубиком собиралась лужица, и вода стекала по мне на кровать уже теплая. Какой ласковый стал тон у барона. Будто взаправду обо мне заботился и переживал. Врал, сволочь. Сразу, как договорил, пригоршню кубиков на меня высыпал. Поднял один и к ореоле соска приложил. Нервных окончаний там гораздо больше. Через несколько мгновений я задергалась, выгибаясь дугой. Кубики скатились на кровать, а те, что остались, снова начали морозить.

– Утром приедет специалист, чтобы взять пробу для анализа ДНК, – невозмутимо продолжил он. – Я хочу видеть тебя разумной и спокойной. Ни одной глупости из тех, что были сегодня. Или я устану предупреждать и начну действовать.

Кубики в ведре больше не гремели, они плавали в воде. Время в кои-то веки начало работать на меня. Таяло оружие пытки. Еще несколько минут, и станет бесполезным. Но мне досталось сполна. Барон специально выбирал те, что больше, и раскладывал на мне. Кожа под ними посветлела. Легкое

обморожение мне уже обеспечено. Даже если убрать лед и стереть воду, легче не станет. Живот мгновенно покраснеет и начнет гореть. пытка продолжится даже после того, как палач уйдет.

Не торопился он. Рисовал кубиком льда спирали на моей груди и смотрел, как капли воды собираются во впадине над солнечным сплетением. Покорности требовал, воспитывать пытался. В глазах вспыхивал и гас огонек, словно солнечный зайчик отражался от лезвия ножа. Я не могла понять, чего хотел на самом деле, и боялась ошибиться. Считать садистов тупыми маньяками, заикленными на крови и страданиях – идиотизм. Сложнее все. Должно быть так.

– Развяжи, – попросила его. – Я все поняла, убегать больше не буду.

Палач даже не посмотрел на меня. Так и сидел со скучающим видом, будто слушал пьесу, где реплики героев наизусть знал.

– Нет. – Я вздрогнула от неожиданности, когда он смахнул с меня кубики коротким, хлестким движением и поднялся на ноги. – Я уже слышал это, когда тебя с дыбы сняли, и что случилось потом? Неубедительно.

Он стоял против света весь черный и незыблемый, как скала. Я больше не видела его глаз, а по тону голоса с самого начала ничего не могла угадать.

– Я плохо прошу? Нужно лучше? Скажи как, я сделаю.

Опасно его провоцировать, но я обязана разгадать этот ре-

бус. Не зная правил игры, её не выиграть. Что он любил кроме истязания слабых девушек? Как мне выторговать себе послабление режима? Дело даже не в веревках на запястьях. Поза удобная, я легко просплю так до утра. Мне нужен шаг с его стороны.

Барон не потащил меня на дыбу, не стал резать или бить, сжалился. Неважно насколько, но чаша весов качнулась в светлую сторону. Мне бы только её подвинуть еще чуть-чуть, пока не вернулась обратно.

Минет ему сделать? Руками удовлетворить? Что хватит совести потребовать? Я вся в его власти, лежу связанная и раздетая. От холода соски тугими горошинками стали. Наверное, это эротично. Ну? Ну? Какого хрена он молчит?

– Тебе нечего мне предложить, – усмехнулся он, окинув моё тело настолько презрительным взглядом, что я взбесилась. Не понравилась, значит? Те проститутки, что он сюда водил, лучше в несколько раз? Да неужели! Вы зажрались, батенька.

Я фыркнула и больно прикусила язык, чтобы не назвать его мудаком вслух. Я не дам ему лишнего повода взяться за плетку или нож. Пусть катится ко всем чертям, так и буду спать голая и замерзшая. Урод! Господи, какой же он урод!

– Ты снова разговариваешь, – равнодушно продолжил он, – Задаешь вопросы, когда тебе никто не разрешал открывать рот. Первое правило нарушаешь. Теперь за каждое слово я буду тебя бить. Семнадцать ударов. Именно во столько

тебе обошелся наш короткий диалог.

О, да, конечно! Две невинные фразы вместе с предлогами. Меня уже колотило от ярости и снова хотелось заплакать. Смысл нести лед, чтобы потом просто избить? Где логика у этого садиста? А? Не было логики, я все-таки ошиблась. Барону нравилось надо мной издеваться. Точка.

Лямки сарафана он разрезал и выбросил в угол мою одежду. Я осталась в одних трусах. Голая и беспомощная. Думала, как спрятать лицо от ударов, а палач ослабил путы на запястьях и поставил меня на колени. Вертел, как куклу, не заботясь, останутся ли синяки после его железных пальцев. В тишине забряцала пряжка ремня. Мать не порола меня с пятого класса, после того, как я загуляла допоздна. Где-то на бедрах два белесых шрама остались от рассеченной кожи. Рука у матери была тяжелая. Мне смешной показалась та боль. Силу Барона я уже знала.

Ремень всегда летит со свистом. С тонким протяжным свистом, как у злобного комара. А приземляется со шлепком. От резкой боли я взвыла и закусила губу. Барон начал со спины, но менее унижительной порка не стала. Теперь я горела и спереди и сзади. Обморожению было плевать на следующее наказание, оно отыгрывалось на мне сполна. Кожа из белой превратилась в пурпурную. Сколько еще красок будет в моем общем состоянии?

«Пять», – мысленно посчитала я очередной удар и тихо застонала. Мать бы уже устала и успокоилась, но не мой па-

Семнадцать, значит семнадцать и ни одним меньше. Силы он не жалел. Мне казалось, что я прогибалась от тяжести каждый раз, когда ремень касался спины. Он словно хотел что-то доказать или сломать, наконец, строптивую девку.

У него получится, если продолжит в том же духе. На девятом ударе я зарыдала. Еще беззвучно и надеясь, что слез не видно, но уже на пределе терпения. В какой ад превратилась моя жизнь за половину дня? Немыслимая метаморфоза. Я падала в глубокий черный колодец и уже не надеялась остановиться.

Двенадцать.

Барон бил, как бездушный робот. На автомате. Ритмично, без усталости и с одинаковой силой. Боль отдавалась уже везде, из прикушенной губы на язык сочилась кровь.

Пятнадцать.

Мне хотелось рухнуть на кровать и ползти, извиваясь змейей. Закутаться в простыню, забиться в угол. Что угодно сделать, лишь бы мучитель отстал от меня.

Шестнадцать.

Он выдохнул. Я впервые услышала что-то кроме звука ударов. Я просчиталась? Уже все?

– Повторяю в последний раз, – убийственно ровно проговорил Барон. – Три правила. Ты молчишь, пока тебя не спросили. Сидишь там, где приказали, не пытаешься сбежать. И делаешь все, что тебе говорят. Наказание. Будет. Неотвратимо. Семнадцать.

Он ударил в последний раз так, что у меня в глазах потемнело. Я качнулась вперед и упала животом на подушку. Потрясающе холодную подушку. Я обняла её, свернувшись калачиком, и замерла. Где-то вдалеке хлопнула дверь. Он ушел. Слава Богу.

Тело гудело от ударов, кожу, будто изнутри на огне жарили. Слезы катились крупными каплями, и я не пыталась их сдерживать. Пока не уснула, перебирала все ругательства, обидные прозвища и маты, которые знала. Каждое подходило Барону идеально.

В гостиной горели только два ночника над диваном. Барон думал, что когда-нибудь сверзится с собственной лестницы без перил, поэтому не гасил свет полностью. Сегодня привычка пришлась как нельзя кстати.

Темнота снова пахла кровью и гарью паленой резины. Десять лет прошло, а он до сих пор видел кошмары. Тело, закрытое черным полиэтиленом, и неестественно белую руку. Мешки для мусора. Они накрыли Катерину мешками для мусора, но закопать не успели. Случайный прохожий спугнул. Плевать, что Нелидова рядом не было. Что не своими руками все делал. Приказ отдал. Этого достаточно.

Барон закрывал глаза и слышал женский крик. Он будил его по ночам, выдергивал из дневной дремы от таблеток.

Звонкий, пронзительный. Её самый первый испуг, еще не превратившийся в стылый молчаливый ужас. Запись с пленки в приемной Нелидова. И тихое: «Взять её».

Десять лет Барон его слышал. Лелеял, бережно хранил, как самое ценное воспоминание. Золотой ключик к театру за старым холстом, где бывшие кукловоды станут марионетками. Тонкий луч света в тот день, когда Барон получит от них все, что посчитает нужным.

Получил. Всего лишь первый кусок холодного блюда, но он уже встал поперек горла.

Она тоже кричала. Единственная дочь Нелидова. Ребенок, о котором он мечтал столько лет. Таскал жену по всем европейским клиникам, но нерожденные дети умирали эмбрионами. Одно то, что все это время живая дочь жила рядом с ним в нищете и голоде, уже было мезью. Можно успокоиться и посмеяться над судьбой, но Барон хотел большего.

Чтобы один женский крик навсегда заглушил другой.

Не получилось.

Они кричали вдвоем. Темнота заполняла маленькую комнату в мансарде и душила запахом гари. Она смотрела на него глазами Нелидова. Огрызалась и посмеивалась. Связанная, раздетая, униженная, она все равно не хотела его бояться.

Он мечтал о мести. Той самой окончательной и достаточной. Был повод. Железобетонный. Она не хотела подчиняться, и дальше он мог только убить её после следующего по-

бега. Нужно было остановить. Обойтись малым. Он думал, станет легче, когда утихнет гул в руках, смолкнет крик за закрытой дверью.

Ошибся.

Руки дрожали до сих пор. Тошнило и мутило хуже, чем с похмелья. Теперь они всегда будут кричать вдвоем. Катерина и дочь Нелидова. Не помогло. Не сработало.

Барон сел на диван и толкнул ногой журнальный столик. Внутри звякнули бутылки. Коньяк, виски, бренди, водка. Мини-бар под стеклянной крышкой. Весь алкоголь был откровенно теплым, но лед уже растаял, и нагреть второе ведро из холодильника не было сил.

Он виноват, что дал слабинку. Не дождался Гены, сам к пленнице полез. Нельзя было. Что-то она почувствовала и рванула бежать. И потом тоже. Но все, хватит. Больше никаких проколов. Иначе, зачем она здесь? Зачем вообще все затеяно?

«Нужно видеть мост над дорогой», – как любил говорить Нелидов. Всегда нужно смотреть вперед.

Барон открыл стеклянную крышку стола, достал стакан и первую попавшуюся под руку бутылку. На этикетку не посмотрел, а цвет у всего пошла одинаковый. И функция тоже.

Хотел выпить, но чуть не подавился. Из стакана воняло женой резиной. Алкоголь казался черной жижой и категорически не лез в рот.

– Да твою же мать! – выругался он, швырнул стакан на

стол и услышал шаги в прихожей. Гена вернулся.

Зашел в гостиную с тяжелым пакетом и замер, уставившись на бутылку. Молча. Поджав губы. Барон ненавидел его понимающий взгляд. Да-да, пить нельзя, но сегодня, черт его дери, особенный день.

– Что-то сказать мне хочешь? – рявкнул хозяин дома.

– Нет, шеф.

Гена, наконец, поставил пакет в шкаф и пошел к дивану. Оценил уровень выпивки в бутылке, покосился на опрокинутый стакан и снова промолчал. Заботливая мамочка, а не личный охранник. Курица-наседка.

– С Жигулями что?

– Сжег и в озеро столкнул. В пакете все барахло из неё. Сумка нашей пленницы тоже.

– Хорошо. Пусть пока там будет. Симку выбросил?

– Вместе с телефоном. Хвоста за мной не было. Все нормально, шеф.

Ни хрена нормально не было. На другой день готовились, не все детали до конца продумали, концы приходилось в спешке подчищать. Угораздило же девку именно сейчас в столицу рвануть. С матерью она поругалась. Наружка только крикнуть в телефон успела, что объект на вокзал ускакал. Гена все электрички подряд караулил. Боялся, что она переседет или на другой станции сойдет. Притащили её, связали, а Нелидов из отпуска еще не вернулся.

Несколько дней стремительно превращались в две неде-

ли, а то и дольше. Весь лишний персонал распустили, думали, вдвоем справятся. Куда там, строптивая девка попалась. Амазонка деревенская. Ох, не такую Барон ждал пленницу, совсем не такую.

Взгляд её вспомнил перед тем, как за ремень взяться, и снова выпить захотелось. Так, что зубы свело и в животе заурчало. Пить нужно, как в юности, зажмурившись и задержав дыхание. Лишь бы доставить алкоголь в желудок.

Барон поднял стакан, стряхнул из него последние капли и наполнил заново. На недовольное пыхтение Гены даже обращаться не захотел. Перебьется охранник. В своем доме он будет решать сколько пить, кого пытать и как наказывать.

Снова женские руки выплыли белым пятном из черноты. Тонкие, связанные, безжизненные. Ремень красные полосы на спине оставлял, а Барону казалось, это он в себе что-то перечеркивал. Выбивал, вытравливал. Она дышит хоть? Перестала плакать?

Лишь бы не кричала больше.

Коньяк горло обжег и потек жидким пламенем в желудок. В голове темноты и мути больше не стало. Той, что было, хватало с избытком. От горечи передергивало. Удары ремня свистели в ушах, и хотелось броситься к ней, чтобы пульс проверить. Услышать, дышит или нет? Замерзнет ведь связанная.

– Гена, нужно платье купить, – нарочито ровным тоном распорядился он, морщась от второго глотка коньяка. – Зав-

тра утром поедешь к открытию магазинов. Поприличнее что-нибудь выбери. Никаких вырезов и мини-юбок. Чтобы здесь под горло и рукава длинные.

Барон показал на себе, размахивая стаканом в воздухе. Одежду уже мысленно представил, но Гене нужно четко задачу поставить, иначе привезет невесть что.

– Размер сорок два, сорок четыре. Рост не знаю. Маленькая она и худая. Белье тоже купи. Какое найдешь, все равно. Что сейчас молодые девушки носят? В бутик зайди, тебе помогут с удовольствием. Второй размер у неё. Может третий. Персик, грейпфрут – сам разберешься. Обувь. Удобную.

– А её одежда куда делась? – тихо и будто бы не в себе спросил охранник. – Испортилась?

Лампочка в светильнике моргнула. Зашипела и погасла окончательно. Посреди гостиной островком в темноте желтело второе бра над диваном. Темнота сгустилась в углах и медленно поползла к ногам Барона.

– Испортилась, – эхом повторил он и приложился к стакану основательно.

Пил, пока коньяк насквозь не начал прожигать. Захлебнулся, отдышался и допил последний глоток.

– Что там случилось, шеф? – глухо спросил Гена. – Я могу медика к ней позвать. Есть знакомый эскулап. Толковый и вопросов лишних задавать не будет. Скажите, я сгоняю, здесь недалеко.

– Не надо, – закрыл глаза Барон. – Сам к ней сходи. Ес-

ли спит – не трогай. Пусть отдыхает. Сбежать пыталась, я... внушение сделал.

– Надеюсь, на пару дней хватит, – осторожно ответил охранник. – Я сразу сказал, что с ней проблемы будут. Вся в отца, никаких тестов ДНК не нужно. Одно лицо!

– Одно, – согласился Барон и потянулся за бутылкой. – Иди уже. Потом доложишь.

Ему сейчас туда категорически нельзя. Здесь подождет.

Глава 4. Утро и черное платье

Зря я надеялась, что ночью станет легче. Боль сменила цвет и привкус. С ярко-алого и медного на кисло-желтый. Во рту такая гадость собралась, что любимая метафора с кошачьим туалетом на этот раз не годилась. Не могла передать всей глубины ощущений. Спина болела. Не пылала огнем, а тупо ныла от каждого движения. Я радовалась, что поза удобная? Дура. Со связанными руками и ногами любая поза превращает сон в кошмар. Я любила ворочаться. Перекатываться с боку на бок, обнимать подушку, искать летней жарой прохладное место, а зимой плотнее закутываться в одеяло. Сейчас я не могла сделать ничего. В итоге к утру замерзла и одеревенела. Даже тонкая простыня не спасла. Я не верила, что Барон накрыл. Скорее уж Гена вернулся, посетовал, что не удалось самому наказать, и с психу прикрыл следы чужих художеств на моей спине. А зачем бы еще? Неужели из жалости? Нет, это слово в особняке Барона не звучало ни разу. Так же как стыд, совесть, сострадание и милосердие. Дом уродов. Обитель садистов. И я для них – единственное развлечение.

Я понимала, что после вчерашнего хозяин дома ждал от меня рабской покорности. Надеялся на смиренное молчание и взгляд в пол, как у бедной овечки. Многим хватало един-

ственного избиения, чтобы навсегда потерять желание сопротивляться. Я посмотрелась в своей деревне на жен, которых мужа каждый день колотили. По любому поводу и без повода совершенно. Просто потому что бабу нужно бить. Иначе она обнаглеет и перестанет слушаться мужа.

Как я, например. Рот посмела открыть и нарушить правила. Не гражданский кодекс РФ вместе с Конституцией, а выдуманные только что специально для меня правила. Блажь, каприз. Ладно, побег, но говорить-то почему нельзя? Дурасть невероятная. Но именно за неё я вчера получила семнадцать ударов.

Чувство вины липло, как смола к рукам. «Ты сама виновата, – шептал внутренний голос, – тебя предупреждали, а ты полезла. Сложно было подождать? Присмотреться к нему, понять лучше, избавиться от глупого правила, а потом уже дальше выпытывать. Нет, ты поторопилась. Тебе здесь и сейчас нужно было. Дура. Вот и получила».

Логично, да. Правильно, может быть. Но катитесь вы ко всем чертям! Я не просила меня похищать. Я лично Барону ничего не сделала и за чужого мужика не в ответе. Не было моей вины и не могло быть! Вопрос нужно закрыть раз и навсегда. Я. Ни в чем. Не виновата. Точка.

Я выдохнула и потерлась лбом о плечо. Пить хотелось, где там Гена? Где мой личный цербер? Опять его звать? А если придет Барон и начнет повторять правила? Нет уж. Я не тупая, теперь буду так корячиться, чтобы под пытки больше не

попадать. С моей спины хватит. С живота, рук и ног тоже. В комнате камера есть, нужно просто пошевелиться, показать, что проснулась, и охранник сам придет. А вот и он. Барон ходил по коридору гораздо тише.

Амбал толкнул дверь, и мне пришлось извернуться, чтобы рассмотреть его. Так вот как он выглядит, когда не притворяется таксистом. Темно-синие джинсы, серый пуловер в тонкую белую полоску и строгие туфли. Причесался, побрился, надушился так, что я запах парфюма почувствовала, и притащил бумажный пакет. Нет, не из Ашана или Икеи, бренд я не узнала, но в том, что там был именно бренд, не сомневалась. Маски сняты. Личный охранник олигарха одевался так, чтобы не позорить хозяина.

– Это тебе, – заявил он и поставил пакет возле кровати.

Опачки! Вот это новость! Подарок? Барон вчерашний грех решил замолить? Что там? Шуба и брильянты в качестве извинений? Побитая спина дорого ему обойдется. Если я вообще соглашусь принять это.

– Рот не разевай широко, – осадил Гена мою фантазию. – Твою рваную тряпку я вчера выбросил, голой тебя показывать эскулапам никто не будет. Оденешься, наклеишься и будешь изображать послушную девочку. Иначе за ремень уже я возьмусь, поняла?

«Отчетливо», – пыталась ответить я, но первые буквы съел кашель, а на последних голос сел. Гена нахмурился и подошел к кровати вплотную, пропадая из поля зрения.

Дальше я вывернуться не могла, шея болела. Опустила голову на подушку и замерла.

Это точно он меня ночью простыней накрыл. Сейчас, как доктор, аккуратно приподнял край белой ткани и долго изучал следы вчерашней порки. Понравилось? Почему замолчал? Простыня не присохла, поднималась легко. Значит, кровавых ран, заживающих, истекая сукровицей, на спине не было. Уже неплохо. Однако красные пятна от особо хлестких ударов должны были остаться. Шевелить плечами неприятно.

– Я тебя мазью намажу, – великодушно пообещал амбал. – Станет не так больно и заживет быстрее. Шефу только не смей проговориться. Иначе это будет первая и последняя помощь от меня.

Я дышать перестала, пытаюсь осознать услышанное. Он пожалел меня? Seriously? Рисковал огрести неприятностей от сурового шефа ради деревенской девки и дочери врага к тому же. Я не могла поверить. Очень похоже на игру «хороший полицейский, плохой полицейский». Когда один из мучителей бьет и постоянно орет, а другой ласково разговаривает, предлагает закурить и всячески извиняется за поведение первого. На контрасте хочется ему на шею броситься и, как родному, выложить всю правду.

Вот только я заложница, а не арестант на допросе. Барон и так про меня все знает, а чего не знает ему не интересно. Просто бессмысленно завоевывать моё доверие. Я – товар,

если тест ДНК будет положительным, или расходный материал в противоположном случае.

Но Гена на полном серьезе выдавил мне на спину прохладную мазь и начал растирать. Сначала стало хуже. Я даже подумала, что меня обманули и так изощренно решили продолжить наказание. Сейчас она впитается и начнет гореть, как Финалгон. Мать натирала им больные колени, и кожа потом выглядела пурпурной от запредельного жара. Но нет. Мазь подумала немного и начала охлаждать.

– Спасибо, Гена, – выпалила я хриплым от сухости во рту голосом и прикусила язык. Черт! Первое правило.

– Не за что, – отозвался амбал и добавил строже. – Развяжу тебя сейчас. Смотри мне! Без глупостей.

Какие мне глупости? Я еле руками шевелила. На такой рывок, как вчера мимо хозяина дома, сил точно не хватит. Еще нужно знать, куда бежать. В доме легко заблудиться, двери обязательно будут закрыты, а за воротами неизвестно какая глухомань. И как долго придется пешком топать до трассы. Нет, мне нужен план. Нормальный такой, выверенный план и помощи нужно искать у Гены.

Черт, Барон своего добился! Я боялась заговорить. Вспоминала глухие удары ремня, и в животе узел завязывался от паники. А если правила и у Гены действуют? Как проверить? Я не хочу, чтобы меня опять били. Мне хватит. Довольно. Дрожь рождалась в животе и волнами растекалась по телу. Дышать стало трудно, голова закружилась. Я не хочу, мамоч-

ка! Не хочу.

– Эй, – позвал охранник, – ты живая там?

Я не ответила, и он взялся за мои руки. Я задергалась, как от ударов током. Сердце из груди выпрыгивало, мысли туманом заволокло. Безотчетный ужас. Иррациональный.

– Эй! Успокойся, чего ты? Развязать же надо.

Я его слышала, как через вату. Руки от веревок освободились, ноги тоже. Я очнулась только когда в нос ударила знакомая вонь аммиака. Нашатырь.

– Фу, нет! – попыталась я отбиться от ваты. Каждый вдох наждачной бумагой скреб по носоглотке. Сознание прояснялось, но очень уж неласково.

Передо мной сидел на корточках Гена и с беспокойством заглядывал в глаза. Хмурый амбал со своим складками на лбу и переносице был похож на шарпея. Угрюмый, но не злой. По крайней мере, той темноты, какой веяло от Барона, в нем не чувствовалось.

– Прочухалась? – тихо спросил он. – Сиди, не вставай. Эк тебя расколбасило. Тяжелая у шефа рука.

Его шефа убить нужно за то, что он сделал! Сволочь распоследняя! От мыслей из холода в жар бросило, и я быстро опустила глаза, чтобы вспышка ярости в них не отразилась. Сочувствие Гены затылком ощущалось, как только дрожь прошла. Я все еще боялась задавать вопросы. Сидела молча и вздыхала тяжело, изо всех сил показывая, как мне плохо.

– Ба-алин, – пропыхтел охранник. – Ты одеться-то хоть

сама сможешь?

Стоило представить, что я буду тянуть узкую футболку на израненную спину через больные плечи, и слабость одолела. Я совершенно честно мотнула головой:

– Нет.

– И что с тобой делать? – с тоской в голосе спросил охранник.

Думал он долго. Я замерзнуть успела и настрадаться от головокружения и тошноты. Действие нашатыря давно прошло. Я снова превращалась в размазню.

– Тебе поесть нужно, – наконец, выдал решение Гена. – Лучше станет, точно говорю. Завернись в простыню, с кровати не вставай, а я на кухню схожу пока. Вытерпишь? Дождешься?

Я вяло кивнула и подавила улыбку. Можно праздновать маленькую победу. Гена ушел, оставив меня без веревок. Свободную, хоть и запертую. Первый шаг на волю сделан.

В пакет я не полезла, хотя очень хотелось узнать, что там. Любопытство кошку сгубило, помню. Если уж взялась играть немощную и большую, то не стоит выходить из образа. Камера работала. Гена резво прискакал, едва я проснулась. Не обманул Барон, следили за мной всерьез.

Это сильно осложняло ситуацию, а она и без того паршивая. Съездила, называется в столицу, поступила в институт. По ЕГЭ у меня высокий балл. Не запредельный, как у дочки директрисы, но рассчитывать я могла не только на ПТУ.

Теперь рассчитывать нужно на дополнительную порцию баланды или тюремную робу.

Гена вернулся минут через десять с подносом. Спокойно отреагировал, что я за это время даже позу не поменяла, поставил перед кроватью стул и водрузил на него завтрак.

Пахло от еды так, что желудок заурчал против моей воли. Булочка с корицей, черный кофе и настоящая овсяная каша с медленно таящим кусочком масла. Обалдеть.

Я ожидала магазинных пельменей или бутербродов с колбасой. Все-таки в доме двое мужчин. Максимум трое, если считать охранника в будке. А тут целый пир, как в ресторане. Кто готовил? Неужели Гена? С новой стороны открывался кривоносый амбал. И палач, и похититель, и умелая кухарка. Рубашки Барону тоже он гладил? А носки кто стирал?

– Ешь, а то остынет, – пропыхтел Гена и сел на крышку стола в углу комнаты.

Булочка мне в горло не полезла, а каша и кофе на ура зашли. Тошнота сдалась, и тепло сытости разлилось по телу. Пока я ела, охранник ни слова не сказал и потом молча кивнул на пакет с одеждой. Открывала я его с опаской. Грезилось нечто среднее между черным латексом БДСМ и костюмом горничной из сексшопа. Чтобы вырез до пупа и юбка, едва прикрывающая зад. Я замерла на мгновение и обдумала ассоциации.

Какого черта я решила, что Барон меня хочет? Да, он оценивающе рассматривал моё обнаженное тело, но какой му-

жик в той ситуации поступил бы иначе? Говорят, взгляд на грудь – безусловный рефлекс, а она у него перед носом была.

Я успела расстаться с невинностью в день своего восемнадцатилетия с мальчиком, по которому вздыхала все старшие классы. По пьяни было, мне не понравилось, зато теперь я чувствовала, когда у мужчин обычный интерес перерастал в твердое намерение, и успевала сбежать. Игнорировала свидания, не ходила на сомнительные пьянки, предпочитая перебдеть, чем недобдеть, но с Бароном это не работало.

Взрослый мужчина отличался от мальчишек-малолеток так же, как рояль от самодельного свистка. Я не понимала вообще ничего. То он прожигал взглядом так, что после хотелось застегнуться на все пуговицы и надеть паранджу. То в следующее мгновение на конкретный вопрос, как правильно его попросить о свободе, психанул и схватился за ремень.

Я читала книги о маньяках и знала, что у извращенцев все густо замешено на половом влечении. Садисты буквально возбуждались, когда причиняли боль. У Барона в этой связке что-то работало неправильно. Он меня настолько нарочито не воспринимал, как женщину, что я достала одежду из пакета и ахнула.

Черное платье с белым воротником-стойкой, длинными рукавами с белыми манжетами и узкой юбкой до середины голени. Я еще не умерла, а уже носила траур. Или собиралась на открытый урок в качестве учительницы. Обязательно уложу волосы на затылке в строгий валик и надену очки.

Нет, они будут отвлекать от ссадины на подбородке и естественной бледности лица после избиения.

Гена не мог сам выбрать такой наряд. Амбал простой, как деревенский валенок, а тут целое послание в цвете, фасоне и внешнем виде подарка. «Не подходи ко мне, женщина, я монах и дал обет безбрачия». Или это очередная игра, смысл которой я пока не понимаю?

Черт, вслед за балетками из пакета выпало черное кружево. Его упаковали отдельно, но я вытряхнула пакет на пол. На хрустящей бумажной упаковке стоял лейб «Интимиссими». Я видела его рекламу по телевизору. Итальянское белье. Очень дорогое. Передо мной лежал как раз тот гарнитур из новой коллекции, что был на известной актрисе в кадре. Она демонстрировала его, стыдливо опустив глаза.

Фантастической красоты белье. Я мечтала, что когда-нибудь разбогатею и хотя бы зайду в «Интимиссими» что-нибудь примерить. И вот мне предлагали надеть итальянское кружево под платье. От диссонанса между эротизмом белья и строгостью наряда крыша ехала. Все равно, что стриптизершу одеть в сутану. Тут моя фантазия сдалась и просто отключилась. Зачем это Барону? Если речь о заборе анализа для теста ДНК, то какое к дьяволу «Интимиссими»?

Выходить из комнаты во всем этом резко расхотелось. Бунт зрел и готов был вылиться в очередную колкость, но я отчаянно прикусывала язык. Гена мой отказ надевать белье мог понять буквально и отправить к Барону совершен-

но голой под платьем. А уговаривать охранника на еще одну поблажку рано. Я дорожила его состраданием и собиралась потратить аванс с большим умом.

Со вздохом сгребла униформу заложницы, поправила простынь на груди и поднялась с кровати. В туалете с утра еще не была...

– Стой, – рывкнул охранник, – при мне одевайся.

– Нет! – выпалила я, чувствуя, что глаза распахиваются от ужаса.

– Одевайся, – с нажимом сказал Гена. – Чем ты меня удивить боишься? У тебя три титьки или мужские причиндалы между ног? Я должен следить, чтобы не сбежала и не вытворила чего-нибудь. Можешь простыней прикрываться, но в туалет ни ногой без меня.

Нормы приличия? Зона комфорта? Нет, не слышали в доме таких слов. Я не привыкла раздеваться перед посторонними мужиками. Вчерашняя сцена с Бароном не в счет. Он ножом разрезал на мне сарафан, а Гена предлагал обнажиться добровольно.

Стыд, обида и злость закипали одновременно, смешиваясь в причудливый коктейль. На языке крутился десяток вычурных посылов в задницу. Я набирала в легкие воздух, проглатывала слова и выдыхала. Меня уже избили за непослушание, подвесили на дыбу и пытали льдом. Истерить сейчас и ставить условия равносильно самоубийству. Придется засунуть свое мнение туда, куда собиралась отправить Гену,

и переодеться. В конце концов, есть мужчины-гинекологи. Как-то же к ним на прием ходят. А мне спектакль с послушанием будет только на руку. Дескать, урок усвоила, веду себя правильно.

Черт, неловко как, мамочки! Я чувствовала на себе не один взгляд, а тысячи. Невидимые зрители тянулись ко мне потными ладонями и скабречно хихикали. И без того деревянное тело отказалось подчиняться. Я роняла то простынь, то белье, то платье. Теперь Гена точно рассмотрел меня всю. Я боялась оглянуться на него и увидеть хоть какую-то эмоцию. Даже не знала, что будет неприятнее: похоть или брезгливость?

– Ты готова? – тихо спросил он, когда я одернула платье. Село оно идеально, будто специально на меня шили. От напряжения я вся извелась и не заметила, как изменился голос охранника. Стал низким и глубоким.

Когда подняла глаза, было поздно. Гена стоял посреди комнаты и смотрел на меня, не отрываясь. Не дышал и не двигался.

Господи, только этого не хватало!

Охранник моргнул, очнувшись от наваждения, и сердито засопел. Из шокированного моим видом мужчины снова превратился в кривоносого амбала, который в любой момент мог отвесить подзатыльник и разговаривал с грубостью сержанта.

– Копия папаши, чтоб его. Сука, Нелидов в юбке. Зря я

взял черное, хотел же зеленое или красное. Ты еще рожу сквасила и губы поджала, как он. То-то шефа переклинило. Как не убил тебя, вообще не понимаю.

Ощущение было, словно меня в чан с дерьмом макнули. Голой задницей вертела, грудь выставила, корячилась с платьем, краснея и думая невесть о чем, а оно вон как. Никому мое тело не интересно вообще. Похитители врага во мне каждый раз видели. Теперь и я понимала, почему Барон озверел. С ним вроде как в моем лице Нелидов флиртовать пытался, на непристойности робко намекал. Мамочки, я бы тоже за что-нибудь потяжелее схватилась с такой-то ассоциацией. Гомосексуализмом попахивало. Ладно, хоть в этом плане хозяин дома нормальным оказался.

– На хрен тест ДНК? – продолжал Гена. – Таких бабок стоит, две недели делается! Показать тебя папаше и всё. Вот прямо сейчас сфотать и ему скинуть. Охренеет сразу.

Если знал, что у него есть взрослая дочь, то сильно охреть не должен. Но я боялась его реакции. Две недели ожидания при всех раскладах лучше, чем немедленный отказ платить выкуп. Время давало шанс сбежать. Я не верила в щедрость внезапно объявившегося отца. Мне, как и раньше, было проще рассчитывать только на себя.

Но посмотреть на Нелидова хотелось. Так ли уж я на него похожа или у похитителей подсознание не в меру разыгралось? Когда ребенка с родителями сравнивают, кого там только не видят. И бабушку, и дедушку, и соседа. Надеюсь,

это не великое преступление.

Я открыла рот и подняла руку, как в школе. Красноречивый жест. Не понять, чего я хочу, невозможно. Заодно проверю, можно ли мне разговаривать с Геной?

– Чего тебе? – надулся он. – В туалет надо?

И туда тоже, но речь сейчас не об этом.

– А фотография отца у вас есть? Я не видела его ни разу.

– Зачем на него смотреть? Урод, он и есть урод, – возмутился охранник, но телефон из кармана достал.

Тоже смартфон, кстати. А я думала, амбалы с накаченными ушами до сих пор старые мотороллы носят и тыкают пальцами в кнопки с выражением невероятной интеллектуальной муки на лице.

– На, – развернул Гена девайс экраном ко мне. – Любиуйся.

Нелидов стоял вполоборота, сложив руки на груди. Типичная поза успешного человека с обложки журнала «Мой бизнес». Или как там их пафосные глянцы назывались? Изпод воротника пиджака торчали белые уголки рубашки, а изпод рукавов манжеты с запонками. Гена действительно накосячил, выбрав мне платье, которое выглядело точно так же. Лютое совпадение. Нарочно так не найдешь.

Слово «отец» никак не липло к этому человеку. Я тыркала его, мысленно пристраивала, катала на языке, но ничего не чувствовала. Просто мужик. Гладко причёсанный, холёный, немного похожий на меня. Нос, разрез глаз. Наверное, богатый, злой и жестокий. Может быть, ему было, что делить с

Бароном, но я не получила от отца практически ничего. Набор генов и детскую обиду, что бросил нас с матерью.

Даже с новой информацией, где мать и тетя менялись местами, суть оставалась прежней. Будь у меня отец, я бы не подбирала ручки, потерянные кем-то в коридорах школы. Не перешивала старые платья и не научилась бы драться в одиннадцать лет за обед по талону из соцзащиты.

Будь у меня нормальный отец, я бы не оказалась здесь.

Пусть Нелидов заплатит выкуп и засунет свои миллиарды себе в душу. Такую же черную, как его костюм. Больше я с ним общаться не собиралась. Даже если бы он вдруг захотел.

– Лицо попроще сделай, – с тоской в голосе попросил Генна. – И губы так больше не криви. Не раздражай шефа почему зря. Дело тебе говорю.

– Не буду, – буркнула я и опустила голову.

Глава 5. Тест ДНК

Минут через десять Гене позвонил охранник от ворот и доложил, что сотрудник медцентра прибыл. Не знаю, сколько ему заплатили. На дом обычно только скорая и участковый терапевт выезжали. Все остальные лично посещать пациентов считали ниже своего достоинства. Особенно лаборанты, которые брали кровь на анализ. Я помнила теток из районной поликлиники. Матом они крыли с порога, и несчастный палец прокалывали насквозь до третьей фаланги. Мне каждый раз жалобу куда-нибудь хотелось написать, но я понимала, что этих борзых кошёлоч никто не уволит. Максимум строго погрозят пальчиком и скажут: «Ну, Люда. Ну, твою же мать».

Гена повел меня на первый этаж под конвоем. Шла я, пошатываясь от слабости, но безмерно счастливая от свободы. Подозревала, что такая щедрость ровно на один раз и потом меня опять стреножат, как кобылу. Умом я понимала, что покорность, даже напускная, гораздо выгоднее и безопаснее, чем постоянный бунт. Но после порки своим чувствам была не хозяйка. Боялась увидеть Барона и в горло ему вцепиться. Или, что гораздо хуже, оцепенеть от ужаса. Второе вероятнее, судя по тому, как я отреагировала на Гену утром.

Фигню говорили психологи на счет привычки к насилию.

Меня мать ремнем била от случая к случаю, но никогда так, как Барон. Она, можно сказать, ласково гладила в сугубо воспитательных целях. Но я все равно не любила её той любовью, что должна быть к матери. Наверное, чувствовала, что она не родная, или просто не хотела. Тяжело проникнуться чувством к тому, от кого кроме ругани и побоев ничего не видишь. Хоть как он будет оправдываться заботой о тебе.

Лаборант из медцентра ждал в гостиной. Я глубоко вдохнула перед тем, как выйти из-за спины своего цербера и расстроилась. Зря мечтала, что мы будет втроем. Барон сидел в кресле.

В комнате играла музыка, пахло свежесваренным кофе, на диване сидел лаборант, мой возможный спаситель, а я смотрела только на проклятого хозяина дома. Не могла по-другому. Он был центром моего Ада, главным героем кошмаров, черной дырой во Вселенной. Его бездна засасывала все глубже и глубже. Я ненавидела Барона так сильно, как никого в своей жизни, а ему было плевать на это.

Похититель переделался обратно в деловой костюм оттенком темнее вчерашнего. Сидел, положив ногу на ногу, и высверливал взглядом до самых внутренностей. Спокойный, холодный, монументальный. Подавись, сволочь! Я в истерике биться и прятаться от тебя не буду!

– Добрый день, – лаборант вежливо напомнил о себе и улыбнулся. – Я представитель биомедицинского холдинга «Атлас». Приехал, чтобы взять у вас биоматериал для анали-

за ДНК. Но сначала нам нужно подписать несколько бумаг.

Куда же без них? Хотя я удивилась, что вместо меня подписи не поставил Гена или сам лаборант после взятки. Наверное, Барон решил не усложнять и разыграть максимально естественную ситуацию. Чтобы худощавый молодой человек в белом халате не догадался о моем статусе заложницы.

Шанс хоть как-то себе помочь застилал глаза и уничтожал осторожность. Я вмиг забыла про лед и следы от ремня на спине. Казалось, что достаточно написать: «Спасите, я в заложниках, позвоните 02» вместо подписи и через несколько часов меня освободят. Но Гена положил широкую ладонь на плечо и шепнул:

– Розги хуже ремня. После них кожи не остается.

Так сказал, что холод по спине прошел вовсе не из-за кондиционера. Я с тоской посмотрела на испещренные текстом листы и прикусила заживающую губу. А если быстро написать и так же быстро отдать? Черт, наши кошёлки из поликлиники бы хай подняли: «Идиота кусок, трусы на лямках! Ты чего пишешь, мать твою? Чистый бланк мне испортила, лярва!» А работник пафосного медицинского центра высказался бы по сути также, но в полголоса и культурно. Зачем ему ругаться с богатым клиентом? Проблемы себе наживать. Нет, так я не спасусь. Слишком большой риск.

Лаборант положил листы на журнальный столик, и я под бдительным присмотром Гены подписала их там, где сказали. Текст прочитать не успела, слишком быстро его выдер-

нули у меня из-под носа. Начала закатывать рукав платья, чтобы сдать кровь из вены, но лаборант замахал руками:

– Что вы, не нужно, я возьму образец слюны. Будьте добры открыть рот.

А плюнуть ему в пробирку не нужно? Странный какой-то тест. Я продолжила изображать кроткую овечку и послушно открыла рот, как перед стоматологом. Парень лихо мазнул по внутренней стороне щеки ватной палочкой и засунул её в пробирку с какой-то жидкой дрянью.

– Ну, вот и все, благодарю. Андрей Александрович, посмею напомнить, что срок предоставления результата зависит от поступления к нам второго образца.

– Он скоро будет, – холодно ответил Барон, и его холеное лицо чуть не скривила судорога. Вовремя сдержался. Ах, ты ж, чтоб тебя! Лаборант проговорился! Теперь я знала имя и отчество похитителя!

– Гена, проводи, – выцедил он сквозь зубы, и амбал встал в стойку, как пес, получивший команду от хозяина.

– Хорошо, шеф.

Лаборант чудом успел спрятать пробирку в чемоданчик, испуганно схватил подписанные листы и сбежал, сверкая белоснежной спиной медицинского халата. Гена пошел за ним, а я осталась наедине с Бароном.

Преувеличил Гена страдания девчонки. Стояла она уверенно, спину держала прямо и в глаза смотрела все с тем же вызовом. Где ослабевшая до состояния амебы жертва? Безвольная и безучастная ко всему? В панику он ударился, тревогу забил. Перестарались, как же. Таковую занозу еще ломать и ломать. Дочь Нелидова спектакль разыграла, а Гена повелся, старый дурак. «Шеф, у неё травматический шок, это серьезно».

Воспаление хитрости у неё. Симуляция обыкновенная. Еще один прогиб от Гены под пленницу и охранника придется менять. Иначе сдуется вояка. Бойцов в учебке гонял без жалости, а на девчонку руку поднял и сразу занервничал. Чем она его взяла?

Барон оставался в кресле и разглядывал заложницу издалека. Голова после вчерашнего уже не гудела, но тело казалось разбитым. А запах... Тошнотворный запах перегара. С двух шагов он не ощущался, но присутствовал в каждом выдохе. Застегнутый на все пуговицы Барон вонял, как пропитый алкаш. Сколько бы ни чистил зубы и ни брызгал на лицо парфюм. Знал, что смердит и раздражался невероятно. Это как уронить в общественном туалете кожаное портмоне и думать потом, что с ним делать. Вещь по-прежнему дорогая и уважаемая, но в руках держать противно.

Дочь Нелидова стояла на месте, как приклеенная, но плечи потихоньку опускались, спина сутулилась. Нет, паршивая из неё актриса. Покорность не изображают, зыряка исподло-

бья по углам. Словно выжидая момент, чтобы сбежать. Расположение выходов запоминала? Пыталась сообразить все ли двери закрываются на замок?

Поразительное упрямство. Одной порки было мало, вторую выпрашивала? До сих пор не поняла, что сбежать невозможно, а за каждую попытку её будут наказывать все жестче и жестче?

Есть такие дуры. Тупые и принципиальные. Разговаривать и объяснять культурно, что можно делать, а что нельзя – бесполезно. Прут, как танки. Она права, она в себе уверена и ни за что не уступит. Быстрее противнику надоест с ней сражаться, и он махнет рукой: «Делай, как хочешь». От такого у дуры самооценка еще выше поднимается. Она права, она победила. Переорала, передавила и пересидела в позе «мне все должны». Молодец, верит в себя, имеет четкую гражданскую позицию и знает, как добиваться успеха. А что ей сделают? Убьют? Даже руку никто не посмеет поднять, иначе она устроит еще больший скандал и дойдет до Гаагского трибунала. Идиотка. Уничтожать таких – особое удовольствие. Чтобы в ногах потом валялась и ботинки облизывала.

Барон выдохнул, представив дочь Нелидова на коленях и в собачьем ошейнике. Как она замирает от восторга при виде хозяина. Ползет, осторожно ставя ладони на ковер. Пахнет от неё яблочными духами и красную помаду с губ хочется стереть пальцами. Платье уже другое. Зеленое. И волосы пшеничные. Ольга.

Нет, не то. Все не то. Рассыпался образ, не подошел пленнице. От первого предположения до финала. Ольгу на коленях он так и не увидел, но представлял намного легче, чем Наталью. Строптивая блондинка вдруг резко поумнела и сдалась раньше, чем дело дошло до крайностей.

Дочь Нелидова он тоже не хотел избивать. До сих пор жалел, что сорвался. Мог потратить время и придумать неприятное или унижительное наказание, но не хвататься за ремень. Грубо вышло и бездумно.

Наталья, в отличие от Ольги, изначально глупой не выглядела. Не упиралась лбом до последнего. Она словно играла, проверяя прочность своей клетки. Подойдет, потрогает и назад. По сторонам головой крутила, но подаренное платье надела и бумаги молча подписала. Наказывать её не за что, а держать в узде нужно. Иначе не подавленный до конца бунт рано или поздно расцветет пышным цветом.

Барон встал из кресла. Медленно, спокойно и не делая резких движений, но в глазах пленницы зажглась паника. Уже хорошо. Девушка не умела контролировать себя, не хватало отцовской выдержки. Её эмоции были чистыми. Они дразнили и раззадоривали, толкая проверить, как Наталья будет с ними справляться.

– Подойди, – коротко приказал Барон.

Она подчинилась не сразу. Через паузу. Отчего завела еще сильнее. Хозяин дома считал её шаги и смотрел, как ткань платья скользит по ногам. Материал тяжелее, чем хлопок.

Гладкий и, наверняка, приятный к обнаженному телу. Колготки пленнице не полагались. Ими при желании можно было задушить охранника. Каблуком ранить, а золотое украшение воткнуть в глаз. Не каждая до такого додумается, конечно, но почему-то Барону казалось, что Наталья могла.

– Ближе, – подстегнул он.

Стоял, по-прежнему не шевелясь, но готовясь к любому прыжку или удару от неё. В глазах пленницы вместо испуга читалось напряженное ожидание. Язык тела подтверждал – Наталья произвольно сжимала пальцы. Не в кулак, а только наполовину. Инстинктивно, неосознанно хотела защититься.

От него. От зверя.

На подбородке темнел синяк, и подживала свежая ссадина. Ударилась пленница, когда он остановил её побег. Не думал, что будет настолько заметно. Лаборант «Атласа» демонстративно промолчал, но на отметину косился. И Барон от неё взгляд не мог отвести. Стыдно стало. Словно ребенка ударил ни за что. Просто потому что он разбаловался. Маленькая была Наталья, хрупкая и беззащитная. Как не раздавил её, когда на пол уронил, лег сверху и руки выкручивал?

Синяка на подбородке коснулся одним пальцем, но пленница скривилась от боли или от отвращения и дернулась назад. А хозяину дома казалось, что ему пощечина прилетела. Нет, такая строптивость уже чересчур.

– На месте стой, – приказал он и схватил за подбородок.

Большим пальцем обвел синяк и надавил на него. Вот теперь больно. Пленница зажмурилась, но устояла. Ни одного звука. Даже ругани и посыллов на хер. Они утонули где-то глубоко в её мыслях.

Резкая девка. Острая на язык.

Сначала показалась типичной ПТУ-шницей. Грубой и фамильярной пацанкой. Спортивных костюмов с босоножками она не носила, но сарафан все равно разочаровал. Редкая безвкусица. Было странно и неприятно видеть такой наряд на дочери Нелидова. В черном платье лучше. Привычнее. Живи она у отца с рождения, ходила бы в те же бутики и, возможно, выбрала именно это платье. Темный цвет хорошо оттенял аристократическую бледность. Нелидов гордился, что принадлежал к древнему дворянскому роду и любой загар называл пролетарским. И вот его единственная дочь почти черная от работы на огороде. Разговаривает, как крестьянка, и легко посылает на хер лютого врага отца.

Раздражение прошло. Барон с любопытством разглядывал, насколько мягче в Наталье проявлялись черты лица Нелидова. Словно его облагороженная копия, хоть и дикая, как сорняк. Отвезти её в салон красоты, оставить на день, и великосветские львицы даже подвоха не заметят. На какой-нибудь выставке современного искусства будут вместе с ней шампанское пить и с чопорно-холодным выражением лиц обсуждать, что погода в Милане нынче дождливая. Хотя они вряд ли находились на улице дольше, чем требовалось,

чтобы дойти из машины до бутика и вернуться обратно.

Но, с другой стороны, воспитанная отцом, Наталья сейчас близко бы к Барону не подошла. Окаtywала бы ледяным презрением издалека. И уж точно не позволила прикасаться к своим губам.

Ранки на них темнели трещинами и пятнами. Искусала во время порки? Кожа на губах нежная, но заживает быстро. Скоро снова наполнится сочной свежестью. Барон ненавидел женскую помаду. Она прятала то, что совсем не нужно скрывать, и тяжело оттиралась с мужской щетины.

Пленница дышала через раз. Сквозь музыку Верди в гостиной хозяин дома разговаривал громко, но сейчас хотелось приказать очень тихо. Так чтобы больше поняла, чем услышала:

– Открой рот.

Сжатая пружина нервов пленницы распрямилась. Она открыла рот и попыталась укусить Барона за палец. Он едва успел убрать его в сторону, но зубы почувствовал.

Маленькая дикарка! Упрямая и агрессивная.

Похититель немедленно взял её за горло и сдавал, чтобы перекрыть воздух. Пленница инстинктивно вцепилась в его руки. Если бы не рукава пиджака с рубашкой, расцарапала бы до крови.

– Тебе все мало, да? – прошипел ей на ухо. – Вижу, что Гена зря убрал веревки. Свободы ты не заслужила. Весь день проведешь связанная. На кровати. И если я по-прежнему бу-

ду замечать от тебя выпады, то к одному дню добавятся еще тринадцать. Пока Нелидов не вернется из отпуска и мы не получим образец его ДНК. Нравится перспектива?

Он разжал пальцы, чтобы она смогла вдохнуть и ответить. Кашляют после такого только в фильмах. Пленница смотрела с безумной смесью ярости и страха. Приоткрыла губы и шепнула:

– Нет.

Уже лучше, но до покорности, безопасной для её жизни, еще далеко. Барон не ждал рабского подчинения. Разумного вывода, что похитителей лучше не злить – вполне достаточно. А дальше можно говорить об условиях содержания. Более комфортных, чем ночь в веревках, почему нет?

Бежать ей просто некуда. Дом стоит посреди бывших фермерских угодий. До трассы пешком очень далеко, а из всего транспорта по пути может случайно встретиться только машина одного из соседей Барона. К слову, на лето все уехали отдыхать, он специально выяснил. Не так уж много домов в поселке заселены, большинство на стадии стройки.

Если пленница умудрится сбежать, то ночью, когда похитители будут спать. Тьма здесь абсолютная. Густая непроницаемая завеса без единого источника света. Бежать придется практически на ощупь и, не зная, куда идти. Когда она заблудится, тыкаясь в каждый строительный вагончик или сруб дома, Гена найдет её даже через несколько часов после побега. И вернет обратно.

Барону не хотелось думать, что с ней придется сделать. Проще не допустить побега. Постоянно связывать и сидеть рядом, контролируя каждый вздох – тупик. Их с Геной всего двое. Им нужно есть, спать, справлять нужду, а Барону желательно еще и бизнесом заниматься. В идеале пленница должна быть настолько запуганной, чтобы взгляд боялась поднять, но с дочерью Нелидова так уже не получится.

Держать её на снотворных и сильных транквилизаторах, как это делали с буйными пациентами психдиспансеров, он не хотел. Кратковременный эффект проблемы не решал и, вдобавок, создавал новые. Препараты разрушали психику, а заложницу еще возвращать нужно.

Упущена возможность завербовать Наталью в союзницы и действовать против её отца вместе. Каким бы не был монстром Нелидов, она смотрела на него, как на спасителя. Ждала, верила и готовилась броситься на шею со слезами.

Оставалось состояние: «Ни мира, ни войны». Игра в поддавки, уступки и постоянно довлеющая угроза наказания. То, что он собирался делать изначально, но до сих пор получалось только наказывать.

Барону хотелось покопаться в себе и понять – заводит его это или нет? Не должно. Раньше он не замечал за собой страсти причинять кому-то физическую боль. Моральные страдания – сколько угодно, но не порка с ремнем в руках. Местью он не смог насладиться, сорвалось сразу. Было что-то еще, заставляющее снова и снова разглядывать точеную фи-

гуру пленницы. Гадать, какое белье Гена привез из бутика, жалеть, что губы искусаны, и поцелуи не будут приятными.

Желание взять её появлялось не в первый раз. Не по доброй воле после долгих месяцев ухаживаний, а насильно. Чтобы резать одежду и чувствовать, как бьется в руках. Все женщины сдавались в итоге, и насилие превращалось в грубую прелюдию. Им нравилось, они просили еще. Но Барону быстро надоедал спектакль для одной и той же зрительницы. Скучно становилось. Заветный миг слома воли происходил ровно один раз, а потом он искал другую жертву.

Ольга стала последней и самой упрямой. Директор пиар-агентства, с которым сотрудничал холдинг Барановского Андрея Александровича. Ухоженная и респектабельная блондинка слишком высоко ценила свободу и даже пару раз посмела вернуть его подарки. Больше подарков не было. Только планомерное и строго рассчитанное давление. Два месяца. Она сопротивлялась два месяца, а после бурного секса у Барона все внутри будто свернулось в точку. Исчезло. Он видеть её не хотел. Ольга пару раз звонила, унижалась, но ничего не добилась. Интерес угас безвозвратно.

Дочь Нелидова ждала та же участь, если он не остановится. Её протест подливал масла в огонь и раздувал почти остывшие угли. Особенно сегодня, когда чуть не укусила за палец.

Проклятая девка, он уже не хотел оставлять её одну на весь день. Всерьез думал, как взбесится Нелидов, если узна-

ет, что его дочь не просто похитили, а насильовали две недели. Нет, этого нельзя допустить. Спектакля с ней не получится. Она не сдастся, послушно отыграв роль жертвы и набив себе цену, чтобы не выглядеть в глазах мужчины легкодоступной. Наталья слишком простая, искренняя и порывистая для подобных игр. Брыкаться будет в полную силу. Барон знал, что не сдержится. Уже по тому, как реагировал на неё сейчас, понял. Бессмысленно надеяться на здравый смысл и повторять себе: «Нельзя. Нелидов за насилие над дочерью убивать будет, а не выкуп платить». Даже у мести есть границы дозволенного. В ту бездну Барон не хотел падать.

А значит, он больше близко не подойдет к пленнице. Все общение через Гену и охрана только на его плечах. Барон справится. Давно не глупый юнец, чтобы воздержание длинной в две недели стало проблемой.

– Хорошо, – подвел он итог разыгравшейся недавно сцене и собственным мыслям. – Я буду следить за тобой по камерам. У тебя последний шанс помочь себе не загнуться в плену до результатов теста. Не потеряй его.

– Постараюсь, – выцедила сквозь зубы пленница и сверкнула взглядом.

Невозможная девица. Совершенно невыносимая.

Глава 6. Званный ужин

Да, я – чемпион по косякам!

Гены не было всего несколько минут, но я успела поцапаться с Бароном до очередного наказания. Нет, ну кому понравится, когда пальцы в рот пихают? Ладно, чистые, ухоженные, с аккуратным маникюром, но я не лошадь и не рабыня на невольничьем рынке. Только их выбирают по зубам. Если гнилые, то товар порченный, покажите другую. Так, так. А можно всех посмотреть?

Он проституток давно не вызывал? По женскому телу соскучился? Господи, да какая нормальная и адекватная женщина с ним в одну постель ляжет? По нему же дурка плачет! Он только бить умеет и наказания придумывать. После бурной ночи на несчастной женщине живого места не останется.

Не то, чтобы я проститутку жалела, скорее, пыталась голову забить ерундой. Замаскировать словесным мусором тот ужас, что я чувствовала рядом с хозяином дома. Я попеременно ощущала себя то голой, то грязной, то связанной и распятой перед ним. Не осталось ни одного сантиметра тела, которые бы он не успел рассмотреть и оценить. словно я – скульптура в галерее, и он решал, стоит ли её покупать. Как будет смотреться в интерьере? Подойдет ли по цветовому решению, и не случится ли диссонанса с другими произ-

ведениями?

Его пустому и холодному дому я не подходила даже в дорогом платье. Не лезла ни в одну нишу для картин и не помещалась на пьедесталах для скульптур. Я живая, а он – мертвый. И все вокруг него умирало, отравленное ненавистью и злобой.

Гена держался еще. Заработал раздвоение личности и, как шут, менял маски. Безмозглая гора мышц для шефа, готовая выполнить любой приказ, не задавая вопросов. И хмурый, но где-то добрый охранник для меня. У него походка менялась, речь и даже жесты, когда на горизонте Барон появлялся. Да ему подумать достаточно было о шефе, и внутри что-то перещелкивало. Режим «садист» вкл. Режим «садист» выкл.

Он словно был таким же, как я, пленником, но вовремя научился жить по правилам Барона. Забавно, но я только сейчас заметила, что Гена с шефом не разговаривает. Со всем. Односложные ответы не в счет. «Да, шеф», – как отклик робота на команду, набранную с консоли. При этом он не боялся его, не сторонился и не испытывал вообще никаких эмоций кроме грусти.

Он тяжело вздохнул, когда услышал, что меня снова нужно связать. Перечить не стал. Никак больше не позволил себе выразить отношение, но я запомнила его вздох. Не ладилось между ними. Не было единодушия, как между верным слугой и мудрым хозяином. Что-то Гене активно не нравилось, но он ничего с этим не делал.

Неужели я виновата? Вернее, мое присутствие здесь? Вряд ли Барон с ним советовался, когда отдавал приказ на похищение. Хозяин дома вообще никого кроме себя не слышал, да и со своей головой были проблемы.

То он ненавидел дочь врага и за ремень хватался, то гладил пальцем по подбородку так нежно, что у меня голова кружилась. Я пила шампанское один раз и помнила ощущение лопающихся пузырьков на языке. Действительно игристое вино. Дерзкое, будоражащее...

«Возбуждающее», – крутилось в мыслях, но я пугалась их сильнее, чем Барона. Этого не может быть. Это просто стресс. Безумие, передающееся воздушно-капельным путем. Первые признаки Стокгольмского синдрома. Такого обидного и неприятного для жертвы. Тебя бьют, а ты любишь похитителя и хочешь еще.

Нет, это не моя история. Сейчас Гена потащит меня в темницу, я полежу в веревках, и все станет на свои места. Никаких пузырьков шампанского, никакой слабости в теле и ощущения чужого безумия. Черт, Барон заразен, он по-настоящему заразен. Мне уже смеяться хотелось, прыгать и напевать песенку Фрэкен Бок: «А ля-ля-ля-ля-ля, а я сошла с ума. Какая досада».

Конечно, досада. Две недели – это чертовски много. Если меня на второй день так разбирает, то, что будет к концу срока? Через неделю? Через три дня?

Нужно найти якорь. Опорную точку, за которую можно

держаться, чтобы не поехать крышей. Пусть это будут картины в гостиной Барона. Они абстрактные, у них сложный сюжет, мысль и структура. Я хочу потеряться в их цветном лабиринте. Вернее, спрятаться от той фигни, что только что произошла.

Сюрприз, конечно. Я собиралась бороться с похитителями, но не ждала, что придется сражаться еще и с собой. Подчиняться правилам ради выживания, давить вспышки ярости и медитировать на чужие картины. Я возьму себя в руки и придумаю, что делать. Я просто устала. Все тело болит и мешает мыслить не просто здраво, а хоть как-нибудь.

Гена отвел меня наверх, пыхтя за спиной и приказывая держаться у стены, когда он открывает двери. Связал не так туго, как вчера, и даже разрешил удобно улечься на кровати. Обстановка в комнате была еще одним раздражающим фактором. Я дома жила хуже, чем выглядела моя тюрьма. Да я бы только к концу института позволила бы себе так есть и так одеваться. И то упухавшись вусмерть. А здесь ничего делать не нужно. Лежи тихо, молчи в тряпочку и взгляд на хозяина не смей лишний раз поднимать. Это справедливо разве?

Почему я в кровь должна биться, чтобы иметь то, что у других есть просто так? Дом, еда, одежда. И не абы какое, а нормальное? Вот не надо рассказывать мне в интернете про тяжелый труд олигархов. Как они героически сами себя сделали. Посмотрела бы я на Барона в нашей деревне без его денег. За две недели бы спился к чертовой матери от тоски.

Максимум месяц протянул. А в своем доме он – господин, хозяин положения. Ненавижу! Мамочки, как же сильно я его ненавижу!

День тянулся долго. Я лежала в кровати и следила, как пятно солнечного света тянется по полу. Представляла, что Земля медленно вращается вокруг своей оси, подставляя Солнцу другой бок. Я могла сейчас заселяться в общагу и смеяться с девчонками-соседками над какой-нибудь ерундой. Гулять по столице, есть мороженное, гонять голубей. Чтобы, как в детстве, потом обнимать небо и смотреть на мир широко распахнутыми глазами. Я могла жить, а не существовать чьей-то игрушкой. Но, видимо, Барон в чем-то прав. Свободу еще нужно заслужить. Кто-то от голода подыхает, кто-то с онкологией мучается, а мне такое испытание досталось. И пора уже проходить этот квест.

Гена зашел в комнату, перед этим деликатно постучав в дверь. Ага, я тут раздеться успела связанная и трусы подтягивала. Чего застеснялся-то?

– Спишь? – тихо спросил он, появляясь в поле моего зрения. – Поговорить нужно.

Я, как могла, пожала плечами:

– Говори.

– Ты совсем дурная? – начал он с наезда. – Или есть шанс? Я по-китайски тебя просил не дергать шефа? Или на языке суахили с тобой общался?

Опачки, какие познания у амбала. Китайский, суахили.

Еще есть хинди и санскрит, они даже позабористее будут. Такую маску я на нем увидела впервые и растерялась. Над кривым носом Гены светились интеллектотом очень серые глаза. И весь он был какой-то необычный. Развернул стул спинкой ко мне и уселся, как на лошадь верхом. Круглую голову подпер кулаком. Лекция будет долгой?

– Чего молчишь? – дернулся он.

– Я не тупая.

– Да неужели? А на спину твою располосованную посмотреть, так сомнения берут. Завязывай, Нелидова...

– Семенова, – поправила я. – В паспорте именно так написано.

– Хоть Голопупкина, мне насрать, – рявкнул он.

Ага, как же, иначе бы меня не похитили, но я благоразумно прикусила язык.

– Слушай, красавица, – вздохнул охранник, – ты в этом замесе крайняя левая малопричастная. Папу никогда не знала и все такое. А он у тебя дел натворил, на три пожизненных хватит. Думаешь, они с шефом бабки не поделили? Как бы ни так. За Нелидовым цепочка трупов тянется и на маленькое кладбище ведет. Церковный погост в твоей деревне обзавидуется. Ненависть шефа настолько высока, что ты из жертвы обстоятельств легко превратишься в козу отпущения.

Это я уже без подсказок поняла. Папа далеко, а я под рукой. Не получится с выкупом что-нибудь, на мне отыграют-

ся. Но угрозы я слышала постоянно, а сейчас Гена явно за чем-то другим пришел. Сделку собрался предложить? Заложнице?

– Ты жить-то вообще хочешь?

– Хочу, – ответила я через паузу, подозревая, что сейчас будет самое главное.

– А жрать нормально? В туалет ходить без конвоя?

Нет, не сделка, слишком мелкая подачка. Свободы он мне не предлагал. Значит, и требовать чего-то сверхъестественного не будет.

– Хочу.

– Тогда не выделывайся, – тихо ответил Гена. – Подыграй шефу. Изобрази гребаную покорную овцу. Я не прошу тебя родину продавать. И папаша тебе никто, чтобы за него тут жили рвать и сдохнуть в конечном итоге.

Определенный смысл в его словах был. Гена даже великодушно пожалел мою гордость и предлагал притвориться, а не стать рабыней на самом деле. Все-таки сделка, но не слишком для меня выгодная. Скорее уж похитители освободились от проблем. Быстро они задолбались. Я всего один раз пыталась сбежать. Впрочем, никто мне доверять ключи от дома не собирался. Просто послабление режима обещали.

– Ладно, – кивнула я, но взгляд Гены стал скептическим. – Хорошо, я не буду раздражать шефа выпадами и наездами.

– Ни сегодня, ни завтра, ни до последнего дня заточения, – добавил охранник.

Черт, это уже давление. Так долго быть пайнкой я точно не выдержу. Глупо обещать заранее невыполнимые вещи, но я наделась сбежать до того, как нервы лопнут. Мне нужна относительная свобода, Гена это знал, поэтому и завел разговор. А еще хорошие отношения с ним нужны. Чем черт не шутит, получится стать Миледи, которую отпустил из заточения её тюремщик.

– Ни сегодня, ни завтра, ни до последнего дня заточения, – послушно повторила я.

Гена коротко кивнул и достал смартфон из кармана. Я под запись должна повторить? Нет, номер набрал.

– Алло, шеф, она тут опять в туалет просится, – соврал охранник, – ага, ногами сучит. Можно её развязать? Вела себя тихо. Да, просто лежала и смотрела в одну точку. А накормить? Ну, я отдельно ничего не готовил. Думаю можно, если ноги связать. Да, шеф, понял.

Таможня дала добро? Я пошевелила затекшими пальцами и уставилась на Гену. Ну?

– Экзамен у тебя будет, – сказал амбал, – Ужин с шефом. Продержишься достойно, спать будешь без веревок.

Да я Барону со злости кастрюлю с супом на голову одену, и буду смотреть, как бульон стекает по длинным макаронинам. Сверху можно второе блюдо водрузить, если руки еще будут свободны. И улыбнуться во все пока что целые зубы.

Ничего себе испытание для моей выдержки! Но раз уж я пообещала быть кроткой овцой, то пора начинать. Скорчив

самую невинную гримасу и хлопнув ресницами, как гламурные кисточки, я ответила:

– Конечно. Все будет в порядке. Можете не сомневаться.

– Твоя морда уже кирпича просит, – рыкнул Гена. Не поверил. Значит, плохо стараюсь. – Ладно, вставай. В конце концов, это тебе нужно, а не мне.

Истинно так. Я и не ждала, что со мной будут нянчиться. Участия и небольших поблажек вполне достаточно на первое время.

Веревки охранник снял. Цокнул языком на потемневшие еще больше синяки и показал глазами на дверь. Надеюсь, текстильные салфетки на званом ужине будут? Не хочу заляпать дорогой наряд, пронося ложку в скрюченных пальцах мимо рта. Мелкой моторики у меня сейчас просто нет. Только крупная и та через боль. Лишь бы руки полностью восстановились, я еще рисовать хочу.

Обстановка в доме, как в День Сурка, не менялась совершенно. Поэтому огромный стол посреди гостиной я заметила сразу и прилипла к нему взглядом. Я его раньше в столовой видела, и он точно был раза в два меньше. Раздвинули, что ли? Или дополнительный поставили? Черт, под скатертью не понятно!

Смысл маневра я разгадала по стульям. Два стояли у противоположных концов стола строго на максимальном расстоянии друг от друга, а третий между ними. Лихо Гена развел нас с Бароном по углам. Не хватало, чтобы ему с потолка

спустили блестящий микрофон, и он хорошо поставленным голосом объявил: «В красном углу ринга непризнанная дочь Нелидова, Наталья Семенова! Обладательница черного пояса по сарказму и красного по выходным к серому платью. В синем углу ринга Андрей Александрович по прозвищу Барон. Бокс!»

Нет, брэйк. Я благодарна за антураж, шутку оценила, но сегодня намерена стоически терпеть любые провокации. Я на ужин пришла. Живот урчал от голода. За те сутки, что я находилась здесь, съела только кашу на завтрак. А из столовой тянуло совершенно фантастическим запахом еды. Господи, мамина стряпня нервно курила в сторонке. Аромат жареного мяса в специях я ни с чем не спутаю, и здесь явно был кулинарный шедевр. Гена – бог! Я захлебывалась слюной и мечтала так плотно набить рот, чтобы разговаривать не было никакой возможности. Профукать такой пир из-за очередной стычки с Бароном не улыбалось совершенно. Успею еще поспать в веревках завтра или послезавтра. Сегодня мой день.

Черт, сервировка! Я готова была написать это слово гигантскими буквами через всю посуду и обиженно захныкать. Долбаный этикет! «Будьте так любезны, покорнейше благодарю. Ах, вы не передадите мне соль с того конца стола?» А накрыто-то, накрыто! Фарфор, столовое серебро, богемское стекло и цветы в вазах. Какого полового органа Барон даже дома ел, как в ресторане? Пришел бы в трикотанах с пузы-

рями на коленках, почесал живот под майкой-алкоголичкой и навернул пельмешей, весело крикнув после стопки водки.

Нет же! Четыре тарелки, три ложки и вилки, два ножа, два бокала и чашечка для чая. Это же все потом мыть! Заняться барину нечем, лишь бы челядь в лице Гены погонять. Шикануть решил? Передо мной выпендриться? Или он всегда так ужинал? Судя по запонкам на манжетах – всегда. Гадство. Я себя чувствовала той самой, которая с невымытым рылом полезла в калашный ряд.

Ладно, я чай не девка крепостная, суп ем ложкой, а не руками. Салфетку догадаюсь положить на колени, а не заткну за шиворот платья. Пить можно из того бокала, в который нальют, но остальное меня добивало. Кстати, зачем мне вообще подложили ножи? Предлагали метнуть их в Барона?

– Не паникуй, – шепнул над ухом Гена, – ешь тем прибором, который понравится. Здесь у всех одна и та же функция – доставлять еду в рот. Ничего сверхъестественного нет.

– Зачем тогда несколько экземпляров?

Амбал устало пожал плечами и объяснил, как ребенку:

– Официальная сервировка, понимаешь? Положено так.

Правила, значит. Барон очень любил правила, я давно заметила. Когда ему не хватало существующих, придумывал свои. Например, что мне нельзя с ним разговаривать, зато нужно отвечать на его вопросы. Занятный меня ждал вечер, зря я надеялась вкусно поесть. Из столового серебра кусок в горло не полезет, а прожигающий насквозь взгляд Барона

уничтожит остатки аппетита. Я обреченно вздохнула и уселась на стул.

Хозяин дома появился через несколько минут, на ходу разговаривая по телефону. Указания по каким-то проводкам давал сухо и крайне официально. На меня даже не посмотрел. Сел за стол и кивнул Гене, что можно подавать.

Ощущение сюрреализма в ситуации зашкаливало. Сальвадор Дали с удовольствием бы взялся за сюжет: «Волк кормит ягненка перед тем, как съесть». Нет, это же Дали. «Самоудовлетворение едой невинной девы в присутствии зрителей».

Меня тошнить начало от голода и напряжения. Даже посмотреть не смогла в сторону супницы в руках охранника, хотя он поставил её перед моим носом. Запах уже казался навязчивым, тесное платье мешало дышать, а на текстильной салфетке мои пальцы оставляли влажные следы. Перенервничала. Еще ничего не произошло, а меня в дрожь бросало. Вспомнился якорь на картины, и я немедленно уставилась на ближайшую. Не Дали, конечно, но тоже что-то с перевернутым смыслом. Люди копались в яме с зеленой жижей, черпали её ведрами и передавали наверх, где пока еще было относительно чисто. На краю ямы лежал кто-то огромный и мертвый. На его фоне остальные люди казались лилипутами. Сдавалось мне, это он исторг жижу в яму. Но не хотелось за столом думать: вырвало его или случилось что-то более гнусное?

– Йонас Бургерт, – вдруг сказал Барон. – Немецкий художник. Картина называется «Второй день Ничто». Это сильно уменьшенная копия. Оригинальное полотно выставлено в Денверском музее современного искусства. США.

Исчерпывающе. Но как, черт подери, он понял, куда я смотрю? Даже не обернулся в мою сторону ни разу. Отвечать не полагалось, поэтому я взяла ложку и зачерпнула суп. Перед глазами возникла зеленая жижа, и затошнило еще сильнее.

– Ты беременна? – холодно поинтересовался хозяин дома. – От запаха еды воротит?

– Нет и еще раз нет, – ответила я.

Прицепился, так и знала. Пил кровь и не собирался отпустить. С другого конца длинного стола его голос звучал тихо, но я слышала каждое слово. Скучно есть одному, пока Гена сидит в моей комнате. Барон захотел развлечься.

Жалости к одиночеству похитителя я не чувствовала. Сам себе злобный Буратино. Я не обязана болтать с ним о немецких художниках и произведениях искусства. Впечатлить меня роскошью все равно не получится. Я не из тех, кто бросался на золото, забыв обо всем. Сколько нужно – сама заработаю. Но тогда зачем все это?

– Если аппетита нет, тогда слушай, – ровным тоном продолжил Барон. – У меня есть информаторы в окружении Нелидова. Я держу наружку возле твоего дома с момента, когда папа узнал о дочери. Даже после того, как ты уехала

в столицу, не стал снимать. И вот тебе фрагмент мозаики. Татьяна Семенова разволновалась, что телефон племянницы недоступен целые сутки. Обзвонила несколько институтов с вопросом, не подавала ли ты документы, но в каждом ей вежливо отказали. Не имеют право разглашать персональные данные абитуриентов. Будь ты на год моложе, тетя бы уже сидела в полиции с заявлением на розыск, но тебе восемнадцать. Взрослый человек. Имеешь право гулять три дня, не подавая весточки родным.

Волна жара прокатилась по позвоночнику и ударила в затылок. С языка рвался крик: «Оставь в покое мою маму, урод!», но я гасила вспышку, наматывая на кулак салфетку. Нельзя сейчас сбивать Барона с мысли, пусть рассказывает дальше.

– Как ты понимаешь, мне не нужен шум вокруг твоей пропажи, – монотонно излагал он, успевая между фразами есть суп. – Но я не настолько кровожаден, как ты успела подумать. Есть несколько способов успокоить твою тетю. Например, ты можешь ей позвонить. Сказать, что подала документы, получила общагу, а телефон просто разрядился. Обиже-на была из-за ссоры, звонить не хотела. Потом совесть заела.

Шикарный вариант. Если уж я не причем в истории с Нелидовым, то мать вообще не при делах. Она растила его дочь, как могла, пока он занимался бизнесом и жил с другой семьей. Я вдруг поняла, что, не смотря на все дразги, отметины от ремня на заднице, я на все готова, чтобы мать

не пострадала. Плевать, что это шантаж. Образ Барона хуже в моих глазах уже не станет. Самого дна достиг. Я открыла рот, чтобы спросить о цене, и тут же захлопнула. Нельзя говорить. Сам пусть рассказывает.

– Но есть и другой вариант, – ожидаемо продолжил похититель. – Татьяну могут использовать люди Нелидова, чтобы проверить, не состоим ли мы с тобой в сговоре ради получения выкупа. Например, захватят её в заложники и пообещают убить, если я не отпущу тебя. Можешь не надеяться, что это будет блефом. Её убьют на самом деле, как только я откажусь от предложения. А я откажусь. Мне плевать на твою тетю.

Даже не сомневалась. Кровь в голову ударила, я чувствовала, что багровою. Сдерживать нервную дрожь уже не получалось. Зубы стучали, руки тряслись. Я не надеялась на любовь отца, я вообще не ждала от него помощи. Но убить мать просто ради эксперимента – за гранью даже для таких, как Барон и Нелидов. Они не люди. Они монстры.

– Гена, воды ей налей, – приказал Барон. – Успокойся, Наталья, я стараюсь говорить короче. Имей терпение дослушать до конца. Я хочу упредить эту ситуацию, неважно произойдет она или нет. Как я упоминал ранее, есть еще вариант.

Охранник тенью возник рядом, и в моем бокале забулькала чистая вода. Сил не было взять его в руки. В голове взрывались десятки мыслей и картинки появлялись одна страш-

нее другой.

– Вы с тетей нуждаетесь в деньгах, – невозмутимо продолжил хозяин дома. – Если предложить ей достаточно много, она бросит дом и уедет, куда скажут. Ей соврут, что отец взялся за твое воспитание и благодарит за все годы, что Татьяна посветила его дочери. Я спрячу твою тетю, пока до неё не добрался Нелидов. Мне это выгодно, услышь посыл правильно. Мне. Выгодно. Меньше нервов потом потрачу, а история с выкупом и так сложная. Можешь не верить в такое псевдоблагородство и молчать, я не спрашиваю согласия. Ставлю перед фактом, только и всего.

Барон спокойно доел суп, а я сидела ослепшая и оглушенная. Мысли текли прежними маршрутами и никак не сворачивали в новое русло. Похититель прав, я не верила. Неужели ему не проще сразу её убить? Как говорили: «Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы». Раз уж для его круга финты с похищениями в порядке вещей. Бандиты девяностых, а не уважаемые олигархи. Столько лет прошло, ничего не изменилось. Не было у них тормозов. Что хотели, то и делали. Тем удивительнее маневр Барона. Оказывается, иногда деньги платили, чтобы спасти, а не убить. Но слово он сдержит, хотя бы в этом я не сомневалась. Как-то вопрос с матерью решится.

– Ты меня слышишь, Наталья? – позвал он. Я кивнула. – Хорошо. Мне нравится, какая ты сегодня за ужином. Именно этого я и ждал с первых минут нашего знакомства. Спать

будешь без веревок, но это еще не все. Сможешь вести себя так все время, я буду и дальше делиться с тобой информацией о выкупе, твоей тете и планах отца. Согласна?

– Да, – совершенно бесцветным голосом ответила я. – Согласна.

– Замечательно. Ешь суп, не обижай повара, Гена старался.

Я, как робот, взяла ложку и послушно зачерпнула желто-кремовую жижу.

Глава 7. История войны

Суп оказался гороховым с копченостями. Лук и морковь явно пережаривали в подсолнечном масле, а мяса никто не жалел. Никакой высокой кухни. Обычная еда, просто посуда красивая и сервировка пафосная, но Барон не жаловался. Он закрылся в привычное состояние камня и больше от еды не отвлекался.

Я тоже смогла проглотить половину порции, пока усердно думала над тем, как лихо похищение сломало мне жизнь. Сначала сорвалось поступление в ВУЗ и после побега год придется работать, чтобы не сдохнуть от голода. А потом до меня дошел весь подлинный ужас.

Мать продаст дом и уедет. Раздаст мебель соседям, совсем уж старый хлам выкинет на помойку, вручит ключи новым хозяевам и уедет. Все мои вещи, рисунки, книги, косметика, любимая кружка с козой и капустой просто исчезнут, словно их не было никогда. Словно меня не было.

Барон долго думал, как отучить меня от попыток к бегству. В итоге сделал так, что бежать мне некуда. Есть только он, его особняк и выкуп Нелидова. Изящно. Даже красиво. Главное, что ситуация отлично выбивала почву из-под ног.

Хотя, куда бы я сбежала, останься мать дома? Прямо в объятия заплаченной Бароном «наружки»? У родных две-

рей меня бы искали в первую очередь. Еще бы и мать связали, чтобы не дергалась и не мешала возвращать пленницу олигарху. Я за камеры в комнате переживала, закрытые двери особняка, а о самом важном только сейчас подумала. Ну, сбегу я, а где прятаться потом?

Все родственники и друзья у Барона как на ладони. Если он даже о дочери Нелидова узнал одновременно с ним, то, что говорить обо мне? Размер одежды и обуви знал. Даже чашку бюстгальтера угадал, я сама лучше не смогла бы подобрать. Все, вплоть до увлечения современным искусством. Не просто так он выдал полные параметры картины немца Бургерта. Понимал, насколько мне интересно. Вот и куда от него бежать?

Обреченность накрыла с головой не хуже паники. Но если вторая напоминала черный перец и зудела во всем теле жаждой вырваться, то первая, как муху, с головой засунула в смолу. Вязкую, тягучую, бесконечно тяжелую. Не было выхода из особняка. Я проиграла войну с Бароном, как только оказалась здесь. Паук вонзил жвала в жертву, и парализующий яд начал действовать. Скоро я отупею от боли и уныния, навсегда перестав дергаться. Смиренно ожидая любой участи.

Хрен тебе по всей роже, урод! Я тут спектакль перед тобой играю, всерьез ты меня сломать не смог. Гнул и качал в разные стороны, этого не отнять. Но я все еще – я и по-прежнему мечтаю вырваться на свободу. Просто теперь план

нужно продумывать гораздо тщательнее. С учетом того, что тетя, друзья и родственники помогать не будут. Я сама к ним не пойду. Документов тоже нет, и денег, и хотя бы малейшего представления, что делать дальше.

Я оставила ложку в тарелке и закрыла лицо руками. Высшие силы, все, кто там есть наверху, пожалуйста, не оставьте меня. Воли прошу, чтобы что-то изменить и терпения, чтобы пережить.

– Тебе плохо, я вижу, – с нажимом сказал Барон. – Медикам тебя показать не могу, но лекарства в домашней аптечке есть. Большинство женских болезней лечатся успокоительным. Попросить Гену принести его тебе?

У меня пружина внутри сжалась, как захотелось ответить. Длинно, витиевато и чтобы Гена с его солдафонскими замашками сильно удивился и начал конспектировать особо удачные куски. Хозяин дома – виртуозный провокатор. Теперь мне действительно нужно успокоительное, хотя до этого безнадегой размазало в кашу. Взбодрил, ничего не скажешь. Я три раза вдохнула и выдохнула, а потом выцедила:

– Нет.

Он выдержал паузу, чтобы дать моему негодованию развернуться, но у меня аж зубы хрустели, как я держала рот закрытым. Не дождется.

– Хорошо, – кивнул Барон. – Спасибо за ужин. Гена, пусть доест, а потом проводи её.

– Да, шеф, – уже привычно отозвался охранник.

Экзекуция совместным пребыванием в гостинице закончена, я могла засчитать себе маленькую победу над собой же и крупный проигрыш от Барона. Счет противостояния даже не пытался качнуться в мою сторону. Но две недели – большой срок. У меня еще была надежда.

Спалось плохо. Хотя я думала, что донесу голову до подушки и тут же отключусь, но не вышло. Я ворочалась в кровати, как жвачку, пережевывая мысли о побеге. Искала выход с завязанными глазами и наощупь. Каждый шаг, как в бездну в абсолютной темноте.

Без денег и документов виделся только вокзал или торговый центр, где можно пересидеть день, а куда деваться на ночь? К бомжам на постой проситься? Дык мгновенно сдадут в полицию. Там профессиональные осведомители с многолетним стажем. А из полиции меня уже Барон заберет. Из торгового центра выгонят, под мостом найдут, в больницу без полиса ОМС не примут. На человеческую доброту случайных прохожих рассчитывать совсем глупо. Там можно вляпаться в еще более гнусную историю, чем с Бароном. Здесь хотя бы крыша над головой есть, и кормят три раза в день.

Задача с побегом не решалась в лоб. В таких случаях учительница математики советовала уточнить исходные данные.

Половина учеников тупило над задачей, потому что не могли разобраться с тем, что им дано. Я вообще ничего не знала про похитителя, объявившегося через восемнадцать лет отца и обстоятельств их войны. Может быть, родной папа такая сволочь, что мне лучше уговорить Барона никогда меня ему не отдавать? Чем черт не шутит. Откуда-то взялась у хозяйки дома настолько жгучая ненависть. И, поскольку разговаривать с ним мне запрещает первое правило, то за информацией нужно идти к Гене.

От ощущения света в конце тоннеля полегчало. Это еще не выход, но первый поворот в лабиринте, который не вел в тупик. Успокоившись, я уснула.

Мой грубоватый и накаченный информатор с кривым носом утром принес завтрак, когда я уже успела помыться, нарядиться и собрать влажные волосы в хвост. Отстиранное белье за ночь высохло, платье не помялось, я чувствовала себя вполне сносно даже с исполосованной ремнем спиной.

– Есть будешь? – хмуро спросил Гена, положив поднос с едой на кровать. – Или бойкот устроишь, как вчера?

– Аппетита не было. Тошнило.

– На тебя только продукты переводить, – заворчал амбал. – Даже если жрешь, толку нет. Вся, как глиста, тощая, кости торчат. Спину оголяй, я мазь принес.

Черт, у меня в глазах темнело, как я корячилась, застегивая молнию на спине. Словно еще раз на дыбе побывала с вывернутыми руками, а он «оголяй». Может, не надо? И так

все пройдет? Однако придется. Я же покорная овечка.

– Помогу, – буркнул Гена и, будто стесняясь, потянулся к собачке замка. Тяжелого вздоха я от него не услышала. Заживающие художества Барона он рассматривал молча. Правда, что ли, ребра торчали? Со спины их не должно быть видно, я же не дистрофик. Пятьдесят килограмм при моем росте не критичны. Кость легкая, как мама говорила. Я нравилась себе в зеркале. Ни худеть, ни толстеть желания не возникало.

– Если больше под горячую руку не попадешься, быстро пройдет, – пробубнил из-за спины охранник, натирая меня мазью. – Характер, Наташа, как член. Чем тверже, тем лучше. Но, так же как член, его не стоит всем подряд показывать.

Я оценила сравнение коротким смешком. Чертовски метко, ничего не скажешь. Мазь охлаждала, Гена осторожно гладил, круассан на подносе пах ванилью, и мне было неожиданно уютно. Идиллия в стиле Дали. Красиво, если не вдумываться в смысл.

– Хорошо, не буду, – согласилась я. – Правила можно выполнять, они не сложные. Меня только запрет на разговоры удивляет. Он неожиданно кособокий. Барон может вопросы мне задавать, а я ему нет.

Гена вдруг замер, не дойдя ладонью до ската плеча, и я напряглась. Что-то не то сказала? Блин, достало! Саперу на минном поле хотя бы металлоискатель в руки дают, а меня туда пнули, завязав глаза. В чем дело-то?

– Ты откуда про «Барона» знаешь? – Тон охранника стал ледяным, как у хозяина дома. Он вцепился в моё плечо и грубо повернул к себе. – Я тебя спрашиваю, прозвище откуда знаешь?

Гена пугал. Глаза сверкали, как у маньяка, и пальцы впились в плечо до самой кости. Я не понимала, что происходит, и от растерянности ответ звучал тихо и жалко:

– Он сам сказал. «Можешь меня Бароном называть». Я ничего не придумала. Он разрешил.

– Точно?

Гена не верил, а я лихорадочно соображала, почему он вообще на меня набросился? Выходит, слово «Барон» я произнесла впервые. До этого мы с Геной называли его «шеф». Но ведь камера же! Барон в этой комнате разрешил так себя называть. Гена смотрел сцену с избиением! Камера звук не пишет? О, черт! Шикарная новость!

– Чем поклясться? – нахмурилась я. – Точнее не бывает. Вот здесь стоял и говорил. А в чем проблема? «Барон» вроде не оскорбительное прозвище.

Амбал отходил медленно. Сначала отпустил плечо, потом окончательно расслабился. Думал о чем-то, а я жалела, что телепатией не владею.

– Не обидное оно, – Гена эхом повторил мою последнюю мысль и добавил: – Просто для своих. Для очень узкого круга. Ты не могла его узнать просто так.

– Имя я тоже знаю, – чуть ли не зажмурившись от страха,

выдала я. Мало ли лягну при случае, Гена снова вцепится и начнет пытаться. – Лаборант «Атланта» проговорился, когда прощался. Андрей Александрович, верно? А почему он Барон? Какая-то история была в детстве, или у него фамилия такая?

Определяющий момент. Настолько важный, что я дышать перестала. Если сейчас Гена расскажет, откуда взялось прозвище, то и все остальное из него можно будет вытянуть. Только бы никто не помешал! Ну, же, Гена, решайся! Ничего сверхсекретного ты не выдашь. Если шеф сам так себя называл, то был не против.

– Фамилия, – прошептал охранник, покосившись на камеру. – Барановский он. Согласись, «Бараном» себя называть никто не хочет. Вот с его подачи и прижился культурный вариант у друзей. Персонал его зовет шеф, босс или по имени отчеству. А тебе почему-то вот так разрешено.

– Да, почетно, – согласилась я, предварительно вытравив из фразы весь сарказм, – только бесполезно. Обращаться я к нему не могу. Вон по спине за это получила.

– Ты по спине за дурасть свою получила, – пропыхтел охранник, завинчивая крышку на тубике с мазью. – Тебе про покорность сразу сказали, а ты характер показывать начала. Умная женщина, если хочет чего-то добиться, истерику не закатывает.

– А что она делает? – на полном серьезе спросила я.

Мне восемнадцать, мудростью обзавестись не успела. Что

думаю, то и говорю. Не умею юлить и без мыла в любую задницу пролезать. И очень расстроюсь, если придется освоить навык.

– Предлагаешь научить тебя? – сузил глаза охранник. – Я по морде за первый же совет получу, и уже сам тебя веревками к кровати прикручу. Без приказа шефа. Зачем мне это?

– А ты мне переспать с ним посоветуешь? – начала догадываться я.

Барон меня похитил, на дыбу подвесил, избил за нарушение глупого правила, а я к нему в постель лягу? Буду всячески ублажать, стонать, изображая удовольствие, потом он ртом его удовлетворить предложит. Величайшая мудрость, ага. Вершина разумного поведения женщины. АйКью двести и никак не меньше.

Кровь в голову ударила, стоило представить это, а страх красную табличку «Стоп» перед глазами вывесил. Дальше мысль не пошла, застряла дрожью в опущенных плечах. Истерика набирала обороты, а потом вдруг сдулась. Я больше не видела Барона, он шагнул в тень и ушел далеко. Зато вспомнила книгу об инквизиторах, которая попала на глаза в интернете.

Если женщину объявляли ведьмой, то не сжигали сразу, а сначала добивались признания в колдовстве и покаяния за него. Столько гадости я там вычитала. Как раздевали догола в поисках родимых пятен, отметин дьявола. Находили и прокалывали пятно иглой. Если кровь шла, значит, ведьма.

То есть, шансов оправдаться не было. Несчастных истязали и сводили с ума. Некоторые пленницы отдавались похитителям в надежде спастись, но бесполезно. Инквизиторы, конечно, не отказывались. Развлекались в полный рост. А потом все равно отправляли на костер. Так зачем было унижаться?

– Нет, – замотала я головой, – нет. Даже ради спасения. Не знаю, какой совет ты собирался дать, но точно нет.

– Так и думал. Дура, – вздохнул охранник, – я тебя ноги раздвигать не прошу. Но наладить отношения можно. Увидит в тебе женщину, начнет жалеть. Инстинкт мужицкий сработает. Покрутила бы перед ним задом, грудь выставила. Ходить тебе разрешили, а то, что молчать будешь – только в плюс. Ты ведь шарிшь в мазне, которая у шефа на стенах висит? Вот и поброди там с заинтересованной рожей. У тебя получается, я вчера видел. А ему страсть как хочется об этом поговорить, но не со мной же. Я не бельмеса. Ты – другое дело. Постой, послушай, а шеф павлиний хвост распушит, соловьем тебе попоет, и многое потом изменится.

Толковый совет, если к нему приглядеться. Барон действительно много знает о своих картинах, разговориться может. А там, глядишь, и диалога захочется. Снимет запрет вопросы ему задавать.

– Допустим, – осторожно ответила я, – а что конкретно изменится? Какие у меня перспективы?

Гена поджал губы и отодвинулся от меня дальше. Завтрак

остыл, спина замерзла, но я смотрела только на кривой нос охранника и редко ему в глаза. Еще один момент истины пришел. Нужно ждать.

– Не объяснишь в двух словах, – насупился амбал. – Рассказывать нужно. Слушай. Твой батя и шеф воюют дольше, чем я охранником работаю. А я здесь десять лет. Сама понимаешь, навредить друг другу успели крепко. Шеф после покушения на него выжил, любимую женщину похоронил и трех друзей. Катерину мы в лесу нашли, пакетом прикрытую, а Граф, Маркиз и Герцог умерли от острой сердечной недостаточности. Строго один за другим через полгода. У Нелидова целая ОПГ есть и два штатных киллера, а шеф с ним по закону пытался сражаться. Со следствием сотрудничал, адвокатам кучу денег заплатил, но воз и ныне там. На свободе Нелидов. При бизнесе. Доблестные органы пару шестерок посадили и успокоились.

Вот что-то подобное я и ожидала услышать. От моего похищения бандитскими разборками за версту несло. Однако с масштабом войны я ошиблась на пару порядков. Четыре трупа и несостоявшийся пятый. Или Гена только о самых близких рассказал? Друзья, любимая женщина. Невеста? Еще и накануне свадьбы, наверное. Я словно боевик смотрела. Не милицейскую хронику, где в конце рассказывали, какой срок получил преступник, а художественный фильм. Никто ничего не получил.

– Вот Барон и захотел отомстить, да?

– Верно, – мрачно кивнул Гена, – Жаль только не получалось, чтобы симметрично. У Нелидова нет близких людей. Его вторая жена скончалась от рака год назад. Первая жена и родители – еще раньше, а друзей у твоего отца никогда не было. Но вдруг ты нашлась. Дочь. Родная.

Сумасшедшее везение, согласна. Джек-пот. Такое специально не придумаешь. Вот и дернулся Барон организовывать похищение. Получилось. И снова осечка. Очень обидная и раздражающая. Я уже здесь, в тюремных апартаментах особняка, тест ДНК сдала и жду выкупа, а главный зритель спектакля уехал в отпуск. Расставил приоритеты, и я оказалась даже не на втором месте. Ну, разве что с конца списка.

– Нелидов в итоге Барона обломал, – я не заметила, как начала вслух рассуждать. – Сразу от меня отказался или сам тест-ДНК хотел сделать? Зачем украли тогда, если мою ценность отцу доказывать нужно? Он вообще заплатит выкуп или нет?

Гена снова замолчал, разглядывая меня исподлобья. Так тяжело и пристально, что зябко стало. Я не понимала, что дрожит сильнее: плечи или пальцы? Задача отчаянно не решалась, и новые данные не помогали.

– А почему выкуп? В чем месть, если я живая и невредимая поеду к отцу? Ну, потеряет он деньги, ну, может долю в бизнесе, но мертвые друзья Барона не встанут из могил. Погибшая Катерина не пойдет с ним в ЗАГС. Разве он получит удовлетворение?

Я словно играла с охранником в «жарко-холодно». Чем ближе подбиралась к разгадке, тем сильнее он закрывался. Уже руки на груди сложил и отодвинулся на самый край кровати. Начни я говорить неправильно, давно бы остановил. Но нет. Сидел, слушал и не перебивал.

– Не поможет ведь, – продолжала я развивать мысль. Бежала за ней в темноте и не знала, куда выведет. Слова срывались с языка почти бесконтрольно. Я буквально слышала собственный голос со стороны. – Чтобы получилось око за око и зуб за зуб, меня убить нужно. Заставить Нелидова потерять единственного родного человека. Да, перед этим доказать мою ценность тестом ДНК, заставить взвешивать жизнь. Стоит она или нет тех огромных денег, что Барон попросит? Чтобы Нелидов побывал в шкуре Барона. Психовал, боялся, искал выход, торговался и, в конечном итоге, ощутил хотя бы десятую часть того, что он чувствовал, стоя над могилами друзей. Гена, я ведь не выживу. Твой шеф заломит такой выкуп, что отец не сможет заплатить. Не захочет или откажется заранее. Барону плевать на деньги. Ему нужно, чтобы я умерла.

Теперь картина обрела ясность, словно пыль с нее стерли. Никто со мной не церемонился с момента похищения на вокзале. Как приехала в особняк, так сразу дыба. Потом лед и ремень. Меня изначально не собирались оставлять в живых, а потому не жалели. Что же случилось тогда? Почему Гена сидел здесь и бубнил, как было бы классно наладить

отношения?

– Ты спасти меня захотел? Уговорить каким-то чудом шефа отказаться от мести и не убивать пленницу? Он влюбиться в меня должен? Пожалеть? На это ты намекал фразой: «Потом все изменится?»

Как в сказке. Чудовище полюбит красавицу, чары злой колдуньи падут, и он снова станет прекрасным принцем? Господи, какой бред! Он в голове не укладывался, его даже обдумать не получалось. Я вообще не представляла, как к такому безумному выводу прийти можно? Человек, способный на похищение и убийство, вдруг полюбит пленницу, простит злейшего врага, и все станут счастливы.

– Ничего не выйдет, – заявила я молчаливому охраннику. – Это невозможно. Барон с таким удовольствием меня бил, а теперь влюбиться должен? Гена, я не идиотка, чтобы в подобное верить.

Дурдом! Подлинный! Палата номер шесть и её пациенты. Охранник – даже больший псих, чем хозяин дома. В полном отрыве от реальности живет. Я уже не замечала, что голос набирает обороты. Смотрела на Гену и почти кричала.

– Тебе-то это зачем? Санчо Панса при Дон Кихоте. Ах, шеф такой благородный и хороший, его просто довели злые люди. Вынудили похитить невинного человека, пытаться, а потом убить. Самому разве не противно оправдания сочинять для мерзавца и морального уродца?

Гена с резким вдохом замахнулся, но тяжелый кулак не

долетел до моего лица. У меня чуть сердце не разорвалось. Я отпрянула назад и сжалась в комок, выставив вперед руки. Фантомный звон уже стоял в ушах, и голова раскалывалась от боли. Не случилось ничего. Охранник медленно разжал кулак и положил открытую ладонь на колени.

– Ничего ты не поняла. Не идиотка, но умом не блещешь. Санчо Панса? Может быть. Про Дульсинею тоже знаешь? Ешь завтрак, позже приду.

Просто встал и вышел, оставив меня с подносом, истерикой и тяжелыми мыслями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.